ЦЕНА № 20 КОП.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР и РСФСР.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Э. БАГРИЦКОГО, А. БОЛОТНИКОВА, М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО, М. СУБОЦКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧ.

№ 20 (335) | 20 ФЕВРАЛЯ 1934 года | ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

ЛЕНИНГРАД (НАШ КОРР.). Состоялась встреча начсостава ленинградского гарнизона с ленинградскими писателями.

Во встрече приняли участие А. ТОЛСТОЙ, М. ЗОЩЕНКО, С. МАРШАК, Н. ТИХОНОВ, О. ФОРШ, А. ЧАПЫГИН, Л. СОБОЛЕВ, А. ПРОКОФЬЕВ, М. ЧУМАНДРИН, М. КОЗАКОВ, Е. ПОЛОНСКАЯ, А. ГИТОВИЧ, А. РЕШЕТОВ, Б. ЛИХАРЕВ, Н. СВИРИН, А. ДМИТРИЕВ, Ф. КНЯЗЕВ и другие писатели и поэты. С докладом об отставании оборонной литературы от культурного и технического уровня Красной армии выступил тов. С. СВИРИН.

Центральный Дом Красной армии деятельно готовится к исполняющейся 23 февраля 16-й годовщине Красной армии. На фото — в вестибюле ЦДКА (фото А. Тимофеева).

КУДА ИДЕТ ЛОКОМОТИВ ИСТОРИИ

Революционный кризис будет нарастать тем скорее, чем больше будет запутываться буржуазия в своих военных комбинациях, чем чаще будет она прибегать к террористическим методам борьбы против рабочего класса и трудящихся крестьян. СТАЛИН.

12 февраля 1934 года в столице крупнейшей империалистической страны Европы замерла жизнь. Всеобщая забастовка, это сильнейшее орудие пролетариата, пришла в действие. По опустелым площадям и улицам, между насторожившихся домов, навстречу полицейским засадам шли парижские пролетарии. Уличные столкновения стоили рабочим 6 убитых и многих сотен раненых. Славные парижские мостовые вновь обагрились рабочей кровью.

И в этот самый день, 12 февраля 1934 года, в столице одной из слабых капиталистических стран Европы загремели пушки, затрещали пулеметы, развернулось красное знамя гражданской войны. Австрийские рабочие, которые еще в январе 1918 года одними из первых откликнулись на зов Октябрьской революции, — когда разворачивался первый тур войн и революций, — в 1934 году оказались в передовых шеренгах европейского пролетариата, когда капиталистический мир вступил во второй тур войн и революций. И в 1934 году звучат с новой силой и убедительностью слова, сказанные Лениным в 1918 году:

«Мы наблюдали на этих днях геройскую борьбу австрийских рабочих против хищников-империалистов. Пусть даже хищникам удастся остановить на время движение, но прекратить совсем его нельзя — оно непобедимо».

Эти дни между 12-м и 17-м февраля зажгли новой силой и бодростью сердца революционеров и показали старому разрушающемуся миру, что близятся сроки его конечной гибели. Между австрийскими и французскими событиями имеется большое различие, прежде всего в размахе и решительности революционных выступлений рабочих. Но между ними есть и много общего. Эти события встают на горизонте Европы, как сигнальные огни, показывающие, куда идет локомотив истории. И во всеобщей стачке во Франции, и в многодневных кровавых боях в Австрии — передовым отрядом, ведущей силой был революционный пролетариат, но шли за ним широкие народные массы. Эти события явились конкретным воплощением единого фронта снизу, в котором коммунисты находятся на передовых позициях. Во Франции свыше 80 проц. трудящихся участвовало во всеобщей забастовке. В Австрии на защиту рабочего дела в жестоком бою, в неравных кровавых схватках вышли все рабочие, — мужчины, женщины и дети. Фашизм, вооруженный до зубов, имел дело со сплошной героической рабочей массой, отстаивавшей свои позиции пядь за пядью, шаг за шагом, квартал за кварталом, дом за домом, этаж за этажом, квартиру за квартирой.

Схватка демонстрантов с полицией на площади Согласия. Конную полицию забрасывают камнями.

В стране, зажатой в сердце Европы между двумя фашистскими государствами, находясь лицом к лицу с наступающими отрядами собственного фашизма, пользующегося поддержкой извне, — австрийские рабочие подняли знамя восстания против европейского фашизма в целом. Предательская деятельность социал-демократических вождей не давала возможности еще слабой австрийской коммунистической партии сплотить вокруг себя подавляющую массу рабочего класса, — и, следовательно, рабочие не имели централизованного руководства. Но они подхватили брошенный коммунистами лозунг всеобщей стачки еще в тот момент, когда соц.-демократическое руководство обсуждало методы саботажа забастовки. Борьба началась в Линце — в крупном промышленном центре. Но мгновенно на выступление рабочих в Линце откликнулись пролетарии Вены, Штейера, Брукка на Муре и ряда других австрийских городов. Движение охватило всю страну, и не было такого места во всей Австрии, где ни проходила бы кровавой чертой линия классового фронта.

«Мой дом — моя крепость», — гласит старинная буржуазная мудрость. Австрийские рабочие по-новому истолковали, в новых условиях провозгласили лозунг: «наш дом — наша крепость». Жилищные комбинаты Вены, в которых живут рабочие, такие дома, как дом имени Карла Маркса, дом им. Реймана, дом им. Маттеоти превратились в подлинные крепости, осажденные регулярными войсками, в распоряжении которых находились «все средства современной военной техники», — как заявил один из представителей правительства. Ряд из этих крепостей оказалось возможным взять, только разрушив их до основания. Но мало того, уже в разрушенном доме Карла Маркса, на развалинах, под которыми, быть может, были погребены их семьи, рабочие продолжали героическую борьбу. А если они отступали, то посылали в небо сигнальные ракеты, означавшие: «Мы продолжаем борьбу».

Сколько раз за последние годы читая о тех или иных выступлениях рабочих в капиталистических городах, мы с восторгом и волнением встречали слово **баррикады.** В австрийских боях баррикады встречались на каждом шагу. В некоторых случаях, как в одном из районов Вены, баррикады превратились в столь постоянные и организованные военные позиции, что начала издаваться баррикадная газета. Уже эти отрывочные сведения о боях в Австрии говорят о том, какая необычайная школа пройдена всем европейским пролетариатом в те дни, когда в маленькой Австрии шла вооруженная борьба рабочих против фашистов.

На ряду с образцами мужественной, исключительно самоотверженной, неустанной защиты домов и кварталов австрийские бои обогатили опыт международного пролетариата примерами того, как рабочие могут овладеть целыми городами и защищать эти города против военной силы, во многом превосходящей и численностью, и вооружением рабочие отряды. Город Штейер, город Брукк на Муре подолгу находились в руках рабочих отрядов и несколько раз рабочим удавалось после отступления снова выбить из города правительственные войска. В Штейере находится оружейный завод, один из крупнейших не только в Австрии, и несомненно превосходно охраняемый. Рабочие сумели занять этот завод и сумели, отступая, захватить в свои руки оружие.

Демонстрация «королевских молодчиков» на улицах Парижа.

Не только в Штейере, но в ряде других пунктов рабочим удавалось сохранять свою живую силу и свою боеспособность в те моменты, когда приходилось очищать отдельные участки защищаемой территории. Рабочие Австрии показали, какие громадные силы и способности заложены в рабочем классе. Вспоминается Красная Пресня в 1905 году, Парижская коммуна 1871 года, Кантонская коммуна в 1927 году и бесчисленные образцы пролетарского героизма и пролетарской стратегии, которыми прославилась социалистическая революция на безмерных пространствах Советского союза.

В настоящее время, конечно, еще невозможно не только дать анализ, но даже подробное освещение австрийских событий. Все, что мы говорили до сих пор, это только беглые замечания на основании отрывочных сведений о том, что происходило в течение последних дней в Австрии. Но об одном уроке уже можно сказать сегодня.

Австрийские бои явились новым трагическим разоблачением всей полноты предательства и банкротства международной социал-демократии. В те самые дни, когда рабочие, столь долго находившиеся под властью тлетворных социал-демократических иллюзий, смело вышли навстречу смертельной опасности в вооруженной борьбе против фашизма, — вожди австромарксизма, «герои «левой фразы» либо дали себя арестовать, либо бесследно скрылись. Красную Вену, о которой столько раз в высокопарных речах говорили социал-демократические болтуны, эти предатели отдали фашизму, подготовляя его приход в течение многих лет, разоружая австрийский рабочий класс и сделав отчаянно трудным его нынешнее мужественное историческое выступление. И как-будто для того, чтобы не было никаких сомнений относительно исторической роли социал-фашизма, как-раз в дни австрийских боев один из германских «левых» социал-демократов Пауль Лебе выступил с заявлением о том, что он переходит на позиции фашизма. Отвратительный голос жалкого и трусливого ренегата был заглушен в эти дни залпами вооруженной борьбы австрийских пролетариев против фашизма.

На XIII пленуме Коминтерна, на котором большевики мира, следуя мудрым указаниям своего вождя т. Сталина, наметили перспективы развития революции, столь быстро оправдавшиеся на практике, т. Мануильский в своем докладе указывал, что во многих случаях «наши силы еще не развернуты, они в потенциальном состоянии». Австрийские события показали, какими громадными резервами, какими потенциальными силами располагает революционный авангард международного пролетариата — Коминтерн.

Один из английских империалистов, встревоженный последними событиями, заявил в парламенте 14 февраля: «Когда гражданская война может возникнуть с такой легкостью, то можно ли сказать, что мы гарантированы от международной войны». Это весьма знаменательное заявление представляет в перевернутой форме ту несомненную истину, что в настоящее время, когда так легко может начаться империалистическая война, империалисты ничуть не гарантированы от гражданской войны. Вот о чем свидетельствуют австрийские и французские события.

Повторяем, еще трудно обобщать и даже делать скороспелые выводы из того, что произошло в Австрии за последние дни. Но ясно, что австрийские рабочие пытались сделать, выражаясь словами Ленина, «максимум осуществимого в одной стране **для** развития, поддержки, пробуждения революции **во всех странах».** Действуя таким образом, они дали прекрасный урок рабочим других стран, и в частности тех, где уже находится у власти фашизм. Действуя таким образом, они шли по пути, который им показал советский пролетариат, сумевший в тяжелых боях и лишениях под руководством коммунистической партии, следуя указаниям Ленина и Сталина, сделать в своей стране максимум осуществимого для развития, поддержки, пробуждения революции **во всех странах.** И эти успехи страны социализма служат лучшим залогом и доказательством того, что бои австрийского пролетариата, всеобщая стачка во Франции являются провозвестниками новых широких революционных боев, нового тура войн и **революций.**

Е. ГНЕДИН.

Дневник Литературной газеты

20 февраля **В порядке подготовки к всесоюзному с'езду писателей** в Москве созывается 5 марта пленум Оргкомитета ССП СССР.

Одним из центральных вопросов повестки дня пленума явится **обсуждение задач литературы в связи с итогами XVII с'езда партии большевиков.** XVII с'езд партии, подытожив победы, одержанные рабочим классом советской страны на всех участках социалистической стройки, наметил и те боевые задачи, которые пролетариату Союза советов предстоит разрешить во второй пятилетке в борьбе за построение бесклассового социалистического общества. Вопросы **новой культуры** будут играть в течение этой пятилетки особую роль. Одно из первых мест в передовой фаланге строителей новой социалистической культуры, естественно, должны будут занять работники литературы, те «инженеры человеческих душ», перед которыми стоит **непосредственная задача** борьбы с пережитками капитализма не только в экономике, но и **в сознании людей.** Естественно, что пленум Оргкомитета ССП СССР уделит особое внимание обсуждению решений XVII партс'езда.

Пленум Оргкомитета заслушает также доклады девяти республиканских оргкомитетов о подготовке писателей **Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана, Армении, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Татарии** к первому всесоюзному с'езду писателей.

Доклады оргкомитетов, с одной стороны, проиллюстрируют работу, проведенную на периферии в области **реализации постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г.,** с другой, подытожат проведенную на местах подготовку к всесоюзному писательскому с'езду, как бы завершая собой многочисленные выезды на периферию специальных бригад и комиссий Оргкомитета ССП СССР, изучавших состояние национальных литератур Советского союза и осуществлявших помощь **местным** оргкомитетам в подготовке к с'езду писателей.

Доклады оргкомитетов на пленуме всесоюзного ОК имеют особое значение в связи с тем, что в течение последнего времени местные оргкомитеты **недостаточно информируют** всесоюзный Оргкомитет о литературной жизни братских республик. Они зачастую слабо руководят и местными **оборонными комиссиями,** недостаточно привлекая советских писателей к задачам обороны страны. До сих пор далеко не всюду созданы и автономные секции **драматургов,** хотя первостепенное значение драматургического жанра общепризнано. Зачастую не уделяется на местах достаточного внимания вопросам **детской литературы,** руководству **колхозных** литературных кружков и т. д. Не всегда и не всюду справились с порученными им задания и выездные бригады всесоюзного Оргкомитета, побывшие на периферии. Доклады национальных оргкомитетов явятся проверкой и их работы.

Наконец, и работа всесоюзного Оргкомитета, как и работа оргкомитетов на местах, должна подвергнуться самокритической проверке на предстоящем пленуме.

Оставшиеся до всесоюзного пленума Оргкомитета дни должны быть использованы для всесторонней подготовки к работам пленума на широких собраниях писателей с участием руководящих работников краев, областей и районов, с привлечением литкружковцев предприятий, колхозов и частей Красной армии.

Последний замысел Эдуарда Багрицкого — книга поэм об истории молодого человека XX столетия — не был осуществлен поэтом. В последние дни перед смертью Багрицкий работал над первой поэмой.

В ней был южный город, была осень четырнадцатого года, улицы, покрытые желтыми листьями, стены домов, заклеенные воззваниями, толпы новобранцев, распевающих бессмысленные и смешные песни. В ней герой — тщедушный юноша в фуражке вольноопределяющегося и в непривычно грубых, тяжелых сапогах—бродил по улицам встревоженного города.

Он был влюблен, герой поэмы Багрицкого, и ровно ничего не понимал в происходящем. Он знал только, что его место в жизни ничтожно, что любой человек с плечами, украшенными более пышно, может отстранить его рукой, проходя мимо.

Ему предстояло в конце поэмы начать понимать, что за это место в жизни надо бороться, что он имеет право на место в жизни и что он может принять участие в борьбе. Первые годы революции развернули его плечи, сделали походку увереннее, голос громче.

Поэма не была закончена. Последние строки, написанные поэтом, были о вихре, всколыхнувшем страну, о толпах людей, увешанных оружием, о свалевших в углу канцелярии полицейского участка револьверах, о студентах с красными повязками на рукавах.

Багрицкий помнил и понимал это время. Оно живет в его поэме во всем своем своеобразии, во всей значительности, во всем существе.

Смерть оборвала работу поэта. Если поэма будет напечатана, читатель впервые увидит строки Багрицкого, не до конца завершенные. Этого не было ни разу за всю длинную поэтическую жизнь Эдуарда Багрицкого.

За рубежом

ЧТО ДУМАЛ ДИККЕНС О ЛОРДАХ

В последнем номере «Бюллетеня библиотеки Джона Райландс в Манчестере» напечатаны некоторые неизвестные до сих пор письма Чарльза Диккенса, представляющие исключительный интерес по своим хлестким и сатирическим отзывам о типичном представителе британской аристократии лорде Лондондерри.

Современный Диккенсу лорд Лондондерри написал весьма неудачную и малограмотную брошюру «Билль о рудниках и углекопах», которую и высмеивает великий писатель в письме к Чарльзу Мэкего, сотруднику «Морнинг кроникль».

Приводим отрывки из этого письма:

«Писание брошюр, как мы видим на примере досточтимого маркиза, весьма неблагодарное занятие. Являясь, правда, экономией времени слушателей и поощрением бумажного, типографского и издательского дела, подобная брошюра, однако, одновременно представляет собой поучительный показ автора, не прикрытого теми клочками грамматики и стиля, которыми украшается любой парламентский отчет. Таким образом, получается весьма оскорбительный, хотя и натуральный облик благородного лорда, чем он по благородству своего рода и характера, разумеется, очень огорчается».

...«Благородный лорд сказал, что не все люди рождаются для того, чтобы читать и писать. Весьма мудрое и глубокое наблюдение. И к тому же полно правды, так как есть, как мы видим, лорды, рожденные именно для того, чтобы не уметь правильно произнести или написать хотя бы одну фразу на языке страны, высокими представителями которой они являются за границей. А в случае если они и рождаются «для того, чтобы читать», то они рождаются такими, что лучше и умнее они от чтения никогда, к сожалению, не становятся».

А. Л.

„МАЛА ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ"

В Лондоне в настоящее время с большим успехом демонстрируется американский фильм «Мала Великолепный», являющийся ценным исключением из ряда обычных «салонных», ковбойских и т. п. картин.

Фильм этот (работа режиссера Ван Дайка) можно сравнить по его первоклассному мастерству с показывавшимся в СССР талантливейшим американским фильмом «Моана».

«Мала Великолепный» представляет собой историю жизни полудикого, добродушного и трудолюбивого эскимосского племени, социальный уклад которого представляет собой род первобытного коммунизма.

Существование эскимосов протекает спокойно и благополучно, пока в их быт не врываются европейцы, приносящие с собой пьянство, разврат и стяжательство.

На этой канве и построен сюжет картины; по ходу действия показываются интересные и талантливо сделанные бытовые снимки; заснятыи также сцены охоты на карибу, ловли кита и пр. Можно упрекнуть режиссера и сценариста только в недостаточно широком показе социальных основ жизненного уклада и мышления европейцев и эскимосов.

А. Л.

ПИСЬМА ИЗ ЛЕНИНГРАДА

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Из многочисленных за последнее время высказываний о научно-художественной литературе можно составить уже интересные предисловия к будущим романам и повестям, а из названий тем — оглавления десятка альманахов.

Но первый научно-художественный альманах лишь запроектирован в плане «Издательства писателей».

А романы даже не запроектированы...

И пока что единственные научно-художественные произведения — протоколы и стенограммы, фиксирующие пресловутые высказывания о задачах связи науки и литературы...

Не случайно писатели и ученые пришли сейчас к выводу: «создание научно-художественной литературы застряло в организационной колее».

— Наши беседы, — говорит **акад. А. Ф. Иоффе,** — о внедрении науки в литературу имеют уже большую историю. **Я считаю, что сейчас наступает момент приступить к практической работе,** или действительно ничего не выйдет.

— Надо выйти из «организационно-банкетного периода», — заявляют писатели.

Надо сказать, что состоявшийся на-днях доклад **В. Каверина «Наука и литература»,** собравший ряд видных ученых и немало писателей, подтвердил необходимость «окончания первой части», декларативной части совместной работы писателей и ученых. Если доклад, главным образом, суммировал все сказанное в этой первой части истории внедрения науки в литературу, то многие участники прений также занялись составлением «каталогов тем»... Лишь некоторые высказывания относились к литературной стороне темы доклада, которым, кстати, ленинградские прозаики продолжают подготовку к всесоюзному с'езду писателей. Наиболее развернуто в этом плане выступила **т. А. Бескина,** утверждая, что научно-художественная литература — литературный жанр будущего. — Социальный роман XIX века, — говорит А. Бескина, — был создан на базе классовых противоречий. Большую литературу делали Бальзак и Золя, но отнюдь не Жюль-Верн, Майн-Рид и даже Уэльс. Буржуазный реализм не создал научного жанра. Научный роман станет ведущим жанром в литературе бесклассового общества, когда классовая борьба уступит место борьбе человека с природой.

В этом же плане интересны высказывания акад. **А. Ф. Иоффе** о литературных жанрах, интересующих некоторых ученых. — Мне кажется, — говорит акад. А. Ф. Иоффе, — что для нас интересны такие произведения в которых мы видим поставленную задачу и стараемся ее разрешить. Поэтому очень многие ученые с удовольствием читают детективные романы: здесь сказывается наша профессиональная черта — разбираться в сложной обстановке. Надо сказать, что научное творчество не всегда идет логическим путем, часто мы просто догадываемся. Догадки бывают правильные и ложные. Но когда мы описываем наши выводы, они психологически логичны. Мы излагаем дело так, что сразу уже были умными и никогда не ошибались. В этом, в сущности, мы обманываем читателя...

«—»

Один из практических выводов первого этапа творческих встреч писателей и ученых — необходимость творческой кооперации. Обычно ученым, обладающим замечательным материалом, мешает сухость языка, недостаточная яркость изложения — «чернила замерзают на пере»... Но, с другой стороны, писатели — с этим согласились все — невежды, когда дело касается таких наук, как физика, химия и т. д. Здесь, по выражению В. Каверина, писатели рисуют подобно пещерным людям профиль с двумя глазами...

— Писатель, — считает проф. **Я. И. Френкель,** — жертва отношений к естественным наукам, существовавших до революции. Считалось, что человек, окончивший юридический или филологический факультет, всесторонне образован, в то время как физико-математический или естественный факультеты давали «узкую специализацию». Когда мы говорим о научной тематике в литературе, — утверждает проф. Френкель, — нужно говорить прежде всего о расширении познаний самих писателей. Естественно-научная учеба писателей — одна из задач нашей совместной работы.

Об этом же в сущности говорил проф. Я. Г. Дорфман, рассказывая о выставке уральских художников, открытой на одном из местных заводов. Рабочие от души хохотали, когда смотрели на машины «без ног и головы». — К сожалению, — констатирует Я. Г. Дорфман, — о таких же машинах нередко мы читаем и в литературе.

Писатели, как мы уже указывали, с этим мнением согласились.

К сожалению, единодушное мнение и единодушные пожелания расширить научные познания писателей не нашли организационного закрепления. Очень интересно предложение проф. Я. Г. Дорфмана, высказанное в «кулуарах» в беседе с вашим корреспондентом. Проф. Я. Г. Дорфман предлагает организовать в Ленинграде **научно-литературный клуб.** Каждый член этого клуба, придя на собрание должен рассказать о интересном в науке или литературе. Надо сказать, что писатели, по мнению ученых, нередко являются прекрасными рассказчиками о «научных делах». С большим интересом был выслушан, например, краткий рассказ **В. Каверина** о «двух жизнях» Лобачевского, знаменитого математика, биография которого изучалась писателем.

Предложение проф. Я. Г. Дорфмана должно быть осуществлено ленинградским оргкомитетом писателей и Домом ученых.

Эпизодические встречи, встречи от случая к случаю, ничего не дадут. Анекдотический пример случайности таких встреч привел **С. Марич.** Не так давно два советских драматурга посетили одну из обсерваторий. Их радушно приняли, но при этом заметили:

— Пишите, но не делайте ошибок, которые допустил один писатель, приезжавший к нам до вас.

Этот писатель оказался... Леонидом Андреевым!

«—»

Как и всякая дискуссия о научной тематике в литературе, доклад В. Каверина (и прения) не мог пройти мимо новой повести М. Зощенко **«Возвращенная молодость».** На этом собрании обнаружились уже различные точки зрения, различные оценки этой книги.

«Возвращенную молодость» В. Каверин считает большой удачей писателя. — Зощенко,—говорит он,— написал о том, что обычно остается за скобками литературного произведения. В повести мы видим не только научные комментарии, но и **научно-личные примечания.** Зощенко с большой смелостью произвел «ревизию в физиологии». Его повесть — научно-литературная автобиография, в которой писатель удачно использует контрасты своего «смешного» стиля и сурового языка научного изложения. Повесть глубоко своевременна, и новый путь, на который перешел Зощенко, обещает ему многое.

Другое мнение высказала А. Бескина, считающая, что научные комментарии Зощенко не стоят на научной высоте. Зощенко не только не создал новой физиологии, но даже не поднялся до уровня физиологической науки вообще. Писатель Зощенко сознает, что должен расстаться со своим героем-мещанином. «Возвращенная молодость»—повесть о мещанине, для которого Зощенко не нашел еще социального выхода и ищет выхода в гигиене и физиологии.

О «Возвращенной молодости» мельком говорили и другие участники дискуссий, но, пожалуй, эти замечания могут быть отнесены к активу прошедшего собрания, означающего, как мы уже говорили окончание первой части работы по внедрению науки.

Вторая часть должна начаться учебой и литературно-творческой работой.

Б. РЕСТ.

Ленинград, 17 февраля 1934 г.

«Писатели должны изучать естественные науки» (из выступл. ученых на дискуссии «Литература и наука»).
«Ученые должны овладеть языком худож. литературы» (из выступл. писателей на той же дискуссии).

ВЕК ЖИВИ, ВЕК УЧИСЬ

Рис. Б. АНТОНОВСКОГО

Акад. ИОФФЕ: — Запомните, товарищи писатели, что между лейденской и медицинской банкой огромная разница...

АЛ. ТОЛСТОЙ: — Запомните, товарищи ученые, что между детективным и дефективным романом огромная разница

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ПАВЛОВИЧА ПОД'ЯЧЕВА

С. Под'ячев незадолго до смерти.

УМЕР СТАРЕЙШИЙ ПРОЛЕТАРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

17 февраля 1934 г., в 3 ч. 45 м. не стало старейшего пролетарского писателя Семена Павловича Под'ячева.

Семен Павлович Под'ячев родился в семье крепостного гр. Олсуфьева 10 февраля 1865 г. Начало его творческого пути относится к глухому времени реакции 80-х годов.

Испытав всю горечь нищенской жизни крестьянина царской России, он выступил в литературе как изобразитель подневольно-бесправного положения батрачества и бедноты, как негодующий обличитель дворянско-буржуазного строя.

В таких его произведениях, как «Мытарства», «Среди рабочих», «У староверов», жуткая правда жизни забитого, обездоленного крестьянства раскрыта с потрясающей убедительностью. И в этих и в других своих произведениях он заявил себя горячим защитником крестьянства, пламенным борцом за его интересы. Выступая защитником трудящегося крестьянства, он в неувядаемых по своей художественности образах заклеймил его эксплоататоров: помещика, кулака, попа, урядника. В изображении представителей эксплоататоров Под'ячев характерен исключительным пафосом ненависти, едчайшего сарказма к самодержавию и бесстрашием.

С первых же дней Октябрьской революции он стал в передовые ряды борцов за социализм.

Вступив в 1918 г. в члены коммунистической партии, С. П. Под'ячев действенно включился в советско-партийную, общественно-политическую работу. И до последнего дня своей жизни оставался преданным бойцом за дело партии, за большевистские колхозы.

Наряду со своей общественной работой, с активным участием в практике колхозно-социалистического строительства он интенсивно продолжал и свою литературную деятельность, дав советской литературе 11 томов своих произведений.

Им создана вереница прекрасных рассказов. В этих рассказах он продолжает беспощадно разоблачать кулаков и попов, костлявою рукою стремившихся ухватить за горло живое революционное дело рабочих и трудящихся крестьян. Кулаки и попы даются им здесь во всей наготе своей зверски эксплоататорской сущности, во всей отвратительности своего лицемерия и ханжества.

В послеоктябрьских рассказах он рисует и новых людей, людей, беззаветно отдающих свою жизнь борьбе за социалистическую переделку действительности, за грядущее бесклассовое общество.

С. П. Под'ячев — крупнейший талант, вырвавшийся из цепких лап самодержавия, закабалившего деревню. Его произведения, будут жить всегда, как произведения, которые знает уже не одно поколение, как произведения КЛАССИКА пролетарской литературы, как произведения писателя-борца, революционера-коммуниста. Они будут читаться миллионами трудящихся СССР, как произведения огромного художественного своеобразия, как произведения большой социалистической правды.

Его произведения являлись и будут являться незаменимым учебником жизни, могучей зарядкой на дальнейшую борьбу, уничтожение эксплоатации человека человеком во всем мире.

ОРГКОМИТЕТ ССП СССР и РСФСР.

ПИСАТЕЛЬ ЯРОСТНОЙ ЗЛОБЫ

Он таким и запомнится: высокий, сухощавый, с длинным, будто нарочно вытянутым лицом, глубоко впалыми щеками, по которым легли борозды морщин, и редкой, удлиняющей лицо бородой. А глаза живые, беспокойные и не особенно в первый раз на тебя доверчиво глядящие.

Этот простой крестьянин был доподлинно огромный бытописатель деревни, человек чрезвычайной силы воли и своеобразного, остро бичующего, клокочущего сарказмом таланта.

«О мертвых говорят или хорошо или ничего». Пословицу эту лицемеры придумали. Семен Павлович не нуждается в похвале. Она к нему и в жизни не пристала, а мертвому совсем ни к чему. Он был чужд писательскому тщеславию. Его литературное бытие было своеобразно. Он прошел тяжелую и страшную, почти одинокую жизнь.

Этот отец пролетарско-крестьянской литературы создал такие произведения, которые не прочтешь равнодушно, с холодным сердцем.

Он не мог писать,—да и не в натуре его это было, — ласкающие слух рассказы.

Все его произведения — показ ужасной правды жизни, разгула ничем не прикрытой эксплоатации крестьянства хищниками, начиная с помещика и кончая церковным старостой.

Про Под'ячева не скажешь, что он певец нужды и горя. Нет, Под'ячев — яростный, непримиримый борец. Мало сказать—его рассказы «волнуют», «оставляют впечатление».

Под'ячев — мастер ненависти, и ненависть его беспощадна. Она не знает границ. Старик не жалел читателя. Сразу брал его в плен, раскалял и наполнял сердце ядом злобы к старому строю.

Под'ячев знал тех, о ком писал. Вряд ли кто из писателей так знал деревню, как он. Почти безвыездно он жил в ней или странствовал по селам. Он отразил в своих произведениях все, что видел, перенес на своих плечах и с чем боролся.

Ушел в могилу огромный талант. На его произведениях можно учиться. И очень многому. В первую голову яростной злобе и ненависти к тем сторонам нашей жизни, которые все еще противоборствуют социалистическому строительству. В наших произведениях мало этой злобы, или она, по выражению Семена Павловича, «комолая».

Наряду с показом положительных, победных сторон мы обязаны бичевать отрицательные.

Классовый враг еще жив. Хотя и не в шкуре волка, а в змеином обличье, но он жив, и классовая борьба продолжается.

Из 68 лет жизни Под'ячев 40 лет с лишним занимался литературой. Вместе с тем он как коммунист активно работал. Большинство его произведений написано до революции, и нам, писателям, особенно тем, которые пришли в литературу за последние годы, стоит присмотреться, в каких условиях работал зачинатель пролетарской крестьянской литературы. В наших условиях, созданных советской властью, писать легко и радостно. Все под рукой, ясны задачи, видны перспективы.

Не то было, когда «начинал» Под'ячев.

«В избе у нас холодно. Не было зимних рам, а морозы стояли лютые. За ночь, под утро, намерзали на стекла слои инея — снега. Жена скребком соскабливала его со стекол в небольшую лоханку, наполняя ее доверху... С вечера поставленная в ведрах у порога вода под утро замерзала. Писать сидя за столом было холодно, и я с вечера забирался на печку и там подставив себе под нос маленькую коптилку-лампочку, лежа писал свои «Мытарства» в работном доме. Писал горячо и с особым, так сказать, сердечным трепетом, со слезами».

Вот в таком-то «кабинете» создавались волнующие произведения.

А кругом нужда, нищета, бездушие, пустыня, да вдобавок насмешки и издевательства управляющего, заведующего почтой, который знал, что Под'ячев посылает рукописи в редакции, и непримиримая ненависть к писателю со стороны обитателей «барского двора» графа Обольянова.

Какой надо было обладать живучестью, чтобы в старое время бедняку, «отщепенцу» деревни стать писателем. И сколько таких, как Под'ячев, погибло. Даже сам Под'ячев, жадный до жизни, и он доходил до мысли о самоубийстве.

Но не этому он следовал всю жизнь. Он жил и боролся художественным словом, не только за себя, но и за свой класс.

Умер человек—Семен Под'ячев, но не умер **писатель.**

Его произведения живут и будут жить. И еще долгое время послужат они убедительным орудием в руках пролетариата и колхозного крестьянства.

Он умер, литературный наш отец и учитель, а мы, второе поколение пролетарско-колхозной литературы, продолжим его дело и поможем строительству новой жизни, за которую он неустанно боролся.

П. ЗАМОЙСКИЙ

О НАШИХ ПОТЕРЯХ

Какая «плодовитая» на смерти зима. Умерли: Колоколов, Андрей Белый, Эдуард Багрицкий... Ушел от нас самый большой после Маяковского поэт, лирик, романтик, мечтатель, боец. Никто из ныне здравствующих поэтов не обладает таким огромным чувством жизни, таким органическим ощущением ее борьбы, движения, перемен, каким обладал Эдуард Багрицкий. Какое это было полнозвучное, сложное в простоте своей и глубоко смысловое выражение мечты и пульса нашей эпохи... И вот... «конец путешествию».

... Окончен ветер и качка, —
Кавун с нарисованным сердцем берет.
Любимая мною подачка.
И некому здесь надоумить ее,
Что в руки взяла она сердце мое...

Так и каждый читая Багрицкого чувствовал в руках своих это цельное большое жизнелюбивое сердце. Огромная потеря для нашей поэзии эта ранняя смерть в расцвете творческих сил. Рана эта заживет не скоро, как до сих пор не зажила еще рана после потери Маяковского.

И вот опять смерть — Семен Павлович Под'ячев. Очень давно, с ребячьих лет начала я читать рассказы Под'ячева. Его многие знали и любили за «сердце» же. Любили его за хорошую правильную злость, за неутомимое разоблачение язв и уродств русской жизни, главным образом, деревни.

Он вынес на собственной спине тяжелый опыт этого бытия («Моя жизнь»), был беспощадно правдив, не шел ни на какие уступки и соглашения и каждой строкой своих рассказов непримиримо утверждал: эта «проклятая жизнь» годна лишь на слом.

Критики-эпигоны с их вечной куриной слепотой держали Под'ячева на ролях деревенского бытовика и «уездного» писателя. Да, местная деревенская тема владела его душой. Но село Обольяново, бывшая дворянская вотчина, в которой он жил и умер, в его произведениях смотрела не местностью, а обобщением. Оно, это усадебное село, было в глазах его — сколок всей дворянско-буржуазной России, российского села, в котором причудливо смешивались остатки феодальных отношений с капиталистическим нахрапом. У Под'ячева была народническая манера письма, никаких особых поисков формы и тем паче новаторства, но знание и осмысление жизни — пролетарского писателя. Хорошо, честно, плодотворно поработал этот старый писатель. Большая верная служба была у его книг в прошлом, есть и будет в будущем. Люди, которые своим свободным трудом строят социалистическую жизнь и хозяйство, с неизменным волнением будут читать его книги: «вот кем мы были и вот кем мы стали». И после таких мыслей захочется людям еще лучше, еще дружнее работать.

АННА КАРАВАЕВА.

ПУТЬ В МОСКВУ

В с. Обольянове покойного писателя 18 февраля провожало свыше тысячи колхозников, рабочих и служащих. По пути следования процессии вечером гроб с телом покойного провожали две тысячи рабочих Яхромской текстильной фабрики.

... Город Дмитров. Тысячи трудящихся города встречали похоронную процессию. Гроб с телом покойного был установлен в городском театре. В переполненном зале на траурном заседании партийных, советских, профессиональных и общественных организаций района и города выступали с речами: секретарь Дмитровского райкома ВКП(б) т. **Елизаров**, от Оргкомитета ССП СССР т. **Ревякин.** Близкие друзья и товарищи покойного тт. **Чванкин** и **Козлов** выступили с воспоминаниями о встречах и совместной работе с Под'ячевым. Сын писателя **Семен Под'ячев** рассказал о жизни и творчестве отца. Тов. Кафтанников возложил на гроб покойного венок от имени районной партийной организации. Всю ночь у гроба стоял почетный караул.

19 февраля, в 7 ч. 17 м. утра, гроб с телом писателя был отправлен в Москву в сопровождении делегации партийных и общественных организаций Дмитрова. Вместе с делегацией тело покойного провожают члены его семьи.

*

Президиум Дмитровского райисполкома возбудил перед Мособлисполкомом и правительством ходатайство о переименовании села Обольяново в Под'ячево и Обольяновского сельсовета в Под'ячевский.

Комиссия по организации похорон писателя С. Под'ячева для увековечения памяти писателя решила возбудить ходатайство о переименовании город Дмитрова и Дмитровского района в Под'ячевский; через ВЦСПС установить стипендии им. Под'ячева в вузах и техникумах; одной из школ в Дмитрове и Москве, Московскому дому крестьянина и одной из типографий присвоить имя т. Под'ячева; издать избранные произведения т. Под'ячева в ГИХЛ; закрепить за членами семьи Под'ячева персональную пенсию покойного писателя.

„КРЕПКИЙ И ПОЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК"

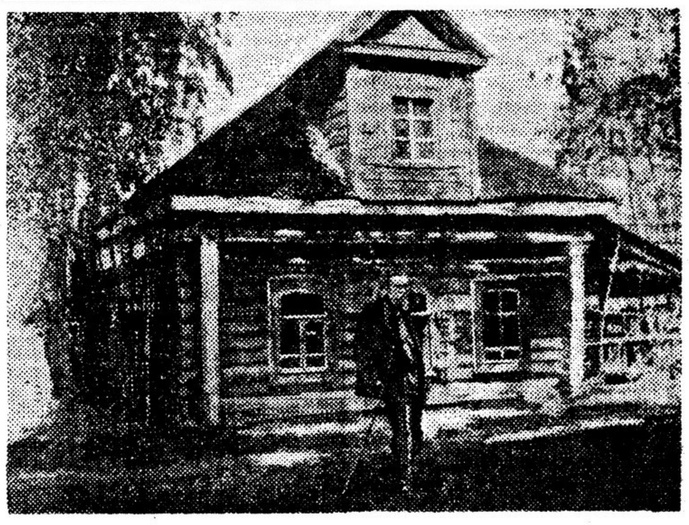
«Семен Павлович Под'ячев выдержал суровый экзамен на крепкого и полезного стране своей человека и рассказал о жизни своей деревенской много такого, чего другие расказать не могли. Его имя останется в истории русской литературы. С. П. Под'ячев русский писатель, правдивый и бесстрашный друг людей».

Так характеризовал покойного писателя в свое время **Максим Горький.** Эта характеристика нашла свое развитие в целом ряде выступлений на траурном собрании, состоявшемся вчера 19-го февраля в 6 час. вечера у гроба Под'ячева в Доме советского писателя.

— Трудную и страшную жизнь прожил Под'ячев,—говорит в своем выступлении т. В. Кирпотин,—жизнь, о которой он сумел рассказать с потрясающей убедительностью. Этим самым он внес и свою довольно значительную лепту в дело нашего социалистического строительства. В будущем свободным поколениям не раз захочется оглянуться на страшное прошлое их предков—и книги Под'ячева не в малой степени помогут им проникнуть в это прошлое.

Тов. И. Касаткин, П. Замойский и **А. Богданов** поворят о Под'ячеве, как о зачинателе пролетарско-крестьянской литературы, **книги** которого не оставляют **читателя** равнодушным: они **пробуждают** жгучую, непримиримую **ненависть** к строю угнетателей и эксплоататоров, они зовут к беспощадной ожесточеннейшей борьбе со всеми пережитками звериной старины, они зажигают волю к революционному действию. Писателям, пишущим о деревне, есть чему поучиться у Под'ячева: знанию своего материала, умению быть понятным широчайшим массам, умению пронизать каждое свое слово страстным, **партийным** отношением к действительности. 12 книг Под'ячева—это наследие, заслуживающее самого пристального, самого любовного внимания со стороны молодых строителей социалистического общества.

Воспоминаниями о Под'ячеве поделились также **Матэ-Залка,** редактор Дмитровской районной газеты «Ударник» тов. **Рачков,** секретарь сельской ячейки тов. **Куликов, тов. Н. Накоряков** и др.



Дом в селе Обольянове, где жил, работал и умер С. Под'ячев.

ПИСАТЕЛЬ—КОММУНИСТ—БОЕЦ

Смерть вырвала из наших рядов старейшего пролетарского писателя Семена Павловича **Под'ячева.** Крестьянин-бедняк, он был неразрывно связан с деревней, испытал все гонения и ужасы царского строя.

О себе и своей жизни С. П. Под'ячев в автобиографии кратко повествует:

«Было много. Больше плохого.

Из моих сочинений между прочим, видна моя жизнь».

Миллионы трудящихся знали и знают С. П. Под'ячева. Не одно поколение читало и будет читать его талантливейшие произведения, насыщенные пламенной любовью — к трудящимся, беспощадной ненавистью — к эксплоататорам.

С. П. Под'ячев в правдивых жутких образах показал нищету и голод старой деревни, кабальную долю батраков, революционную борьбу рабочих и крестьян («Среди рабочих», «Мытарства», «По этапу», «У староверов», «Православные» и т. д.).

После революции С. П. Под'ячев, член ВКП(б), принимал самое активное, практическое участие в повседневной социалистической перестройке деревни, в борьбе с клас-

Не раз он писал и говорил, что «счастлив жить в незабвенные годы пролетарской революции». «На закате своей жизни вижу и глубоко убежден, что страна наша, наш рабоче-крестьянский Союз, всколыхнет весь трудовой мир и приведет его под свои красные знамена».

Со скорбью утраты и с верой в победу нашего великого коммунистического дела мы провожаем крупнейшего писателя-бойца, произведения которого будут жить всегда как большой и значительный документ неповторяемой эпохи.

Б. МАГИДОВ, И. БАТРАК, И. КАСАТКИН, П. ЗАМОЙСКИЙ, Н. НАКОРЯКОВ, А. БОГДАНОВ, Н. СИММЕН, А. ЗАВАЛИШИН, Ю. БЕРЕЗОВСКИЙ, А. РЕВЯКИН, И. ДОРОНИН, Ф. КАМАНИН, Н. КОЛИН, Э. ШАПИРОВСКИЙ, П. ИВАНОВ, М. БОРСКИЙ, Н. ФЕОКТИСТОВ.

ОН ХОРОШО ЗНАЛ ДЕРЕВЕНСКУЮ ЖИЗНЬ

С. Под'ячев был крупным писателем. Его книги производили на меня большое впечатление. Он хорошо знал деревенскую жизнь.

Впервые с произведениями Под'ячева я познакомился в царском флоте в 1903 г. Его вещь «Мытарства» произвела на меня сильное впечатление. Лучшим его произведением считаю «За грибками, за ягодками». Здесь с исключительной силой показана наша прошлая дореволюционная жизнь. Его творчество, его форму письма нам надо изучить.

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

КАК ВАЖНО БЫТЬ СЕРЬЕЗНЫМ*)

„ВОЗВРАЩЕННАЯ МОЛОДОСТЬ" МИХ. ЗОЩЕНКО

Г. МУНБЛИТ

Зощенко не избалован критикой. Одни писали о нем, что ему надлежит «стать на рельсы» другие о том, что он «настоящий». Но первые не умели сказать, о каких рельсах идет речь, а вторые — что разумеют они под настоящим.

Поэтому, чтобы избежать кривотолков, Зощенко повесть свою поясняет:

«В этой книге будут затронуты вопросы сложные и даже отчасти чересчур сложные, отдаленные от литературы и непривычные для рук писателей. Такие вопросы, как например, поиски потерянной молодости, возвращение здоровья, свежесть чувств и так далее и тому подобное и прочее. А также будут затронуты вопросы о переустройстве всей нашей жизни и о возможностях этого переустройства, о капитализме и о социализме и о выработке мировоззрения».

Так говорит он о смысле своей работы. Кроме того он формулирует ее цель:

«Эту книгу я написал в назидание себе и людям. Я написал ее не для того, чтобы пофилософствовать. Я никогда не уважал такой бесцельной философии.

Мне попросту хотелось быть полезным в той борьбе, какую ведет наша страна за социализм».

Критики, писавшие о необходимости «стать на рельсы», могут быть спокойны. Зощенко хочет строить социализм.

Те которые говорили о «настоящем» также должны быть удовлетворены Зощенко внешне остался таким, каким был.

Но вот именно поэтому, думается нам не вполне удалась ему его новая повесть. Новый замысел оказался в плену привычных воззрений И борьба их сделала повесть затрудненной и противоречивой.

Не нужно думать, что автор в этой повести впервые осознал свою работу как помощь строительству социализма. Он только впервые сформулировал так ее смысл и цель.

Суть нового замысла, осуществленного в повести, в том, что писатель взял на себя новую для него функцию, и функция эта диаметрально противоположна той, которую он выполнял до сих пор.

Творческий облик Зощенко за четырнадцать лет сложился совершенно отчетливо. Был он весьма необычен для наших дней этот облик.

Апатию и усталость, равнодушие или уничтожающую иронию вызывало в писателе все, что он видел. Это верно, что он бичевал, что он уничтожал и высмеивал все гаденькое и мелкое, попадавшееся ему на пути. Верно, что враг, с которым он боролся, еще существует у нас. И что рассказы, направленные против него, нужны и достаточно действенны. Верно, наконец, что рассказы эти исполнены юмора.

Но несмотря на все это Зощенко был до сих пор очень грустным писателем. И временами начинало казаться, что он не знает, ради чего ведет он борьбу с мелким и гаденьким.

Тревогу внушало не то, что писатель писал «не о том», не то, что в нашей действительности были вещи, куда важнее, интереснее и больше, чем те, о которых повествовали его рассказы. Непонятным было его мироощущение, — его настроение, если можно так говорить о творческом восприятии мира. Временами казалось, что к Зощенко можно применить слова, сказанные Тэном о Свифте: «Он употреблял всю силу ума, самым лучшим образом вооруженного, и характер лучшего закала, чтобы осуждать и разрушать».

Теперь это настроение изменилось. В новой повести Зощенко есть такие строки:

«Какие прелестные вещи происходят на этом свете. Какие милые вещи творятся на каждом шагу. Как весело и интересно работать...

Яблони стоят в белом цвету. Река течет. Скамейка под деревом. Мельница машет крыльями...

Нет, немыслимо, невозможно писать о таких вещах. Немыслимо даже на минуту представить все это в скучном виде, в досадном освещении».

Это лирическое признание остается предельно оптимистическим, даже несмотря на оттенок иронии, которым оно проникнуто. А настроение, которым отмечены приведенные строки, характерно для всей повести.

И поэтому новым замыслом, о котором шла выше речь, нужно считать в повести Зощенко не его намерение написать о новых вещах, а стремление по-новому вещи увидеть. Поэтому темой вещи нужно считать не жизнь профессора Волосатова как таковую, а ту борьбу за переустройство жизни и за выработку нового мировоззрения, которую сумел увидеть и показать в его жизни автор.

Потому что профессор Волосатов в сущности весьма близок обычным для рассказов Зощенко персонажам. И ново в рассказе о нем желание показать его с необычной для автора точки зрения.

Этот старый, увядший, больной, раздраженный человек с пустыми и равнодушными глазами, с морщинистой шеей и вялой походкой мог быть показан смешным.

Он мог браниться с соседями, совершать нелепые и смешные поступки, говорить глупые и смешные слова.

Вместо этого профессор Волосатов совершает подвиг. Ценой величайшего напряжения, осуществляя точно и тонко продуманный план, он возвращает свою утраченную молодость. И повесть о нем, несмотря на явственно ощутимую ироничность, несмотря на карикатурность остальных ее персонажей, проникнута оптимизмом, жизнеутверждением и бодростью.

В послесловии к повести Зощенко пишет:

«Читатель, который огорчится переменой моего творчества, может быть спокоен. Выпустив эту книгу, я снова буду продолжать то, что начал. Это просто передышка.

Маска снята. Читатель имеет возможность обозревать мою физиономию».

Автор ошибся. Не временным отвлечением от привычного круга вещей и воззрений является эта повесть. Повествуя о переустройстве жизни и выработке мировоззрения, она знаменует начало творческого поворота писателя.

Повесть чрезвычайно сложна и по замыслу и по методу осуществления.

В ней загадочно все, начиная от композиции и кончая точкой зрения на вещи. Потому что авторские к ней пояснения, которые приведены в начале, настолько общи, что не могут помочь в ее расшифровке. И что особенно важно —суб'ективные намерения автора не вполне совпадают с их выполнением. А реализация замысла идет сложным, извилистым и прихотливым путем.

Одна из важнейших коллизий повести — взаимоотношения между профессором Волосатовым и его дочерью Лидой.

О Лиде Зощенко сообщает, что «она окончила университет и с самых молодых лет всецело стояла на платформе советской власти. И в этом смысле пикировалась со своим отцом, упрекая его в реакционности взглядов и отсталости».

«Нет, — продолжает автор, — она не отличалась красотой и женской прелестью. Она была несколько неуклюжа, с мужскими движениями и угловатыми манерами. И мужчины не посматривали на нее туманными глазами».

«В силу чего она все помыслы своей жизни посвятила работе и общественным нагрузкам. Она была активисткой, ударницей и энтузиасткой».

Налицо две человеческие категории — материал для традиционной коллизии отцов и детей. Взору читателя уже рисуются сцены торжества профессорской дочери над отсталым, неприспособленным к жизни отцом. Читатель догадывается, что под влиянием дочери отец осознает свои ошибки и обещанная автором выработка мировоззрения произойдет в нем при несомненном ее участии и под неусыпным ее присмотром.

В памяти возникает фигура профессора Скутаревского, из романа Л. Леонова, профессора, ведомого под руки к новой жизни двумя энтузиастическими молодыми людьми.

Но если читатель перечтет внимательно приведенную характеристику профессорской дочери, он почувствует, что замысел Зощенко не так уж прост.

Явственно ощутимый оттенок ханжества не мог возникнуть в облике Лиды случайно.

А если облик этот — осуществление замысла, то не «угловатой активистке» могло быть дано руководить перестройкой мировоззрения профессора, о котором сказано, что он был «умный человек, иначе, надо полагать, он не сумел бы возвратить свою потерянную молодость»

Путь который предстояло пройти ему, был далеко не так прост, как представляла себе его Лида.

И совет ее «подойти вплотную к жизни, заняться общественной работой, почувствовать себя частью общей семьи», ничего кроме печального покачивания головой вызвать у него не мог.

Его план перестройки был куда более сложен. И поэтому, когда план этот начал осуществляться, он имел все основания «подтрунивать над Лидой, говоря, что она—курсистка, девчонка и пиголица, которой впору сопливых ребят учить, а не его, профессора и довольно видного ученого своего времени».

Его план был не в том, чтобы «стать на рельсы» «приять» или «отдать на служение»... Сделать себя пригодным для новой жизни—такова была цель, к которой стремился профессор.

Заслуга Зощенко в том, что он эту цель понял. Понял дистанцию, которая отделяет сегодня «приятие» от совершенствования, готовность «отдать на служение» от квалифицированного участия, желание «стать на рельсы» от стремления сделать себя пригодным для настоящей работы.

Поэтому повесть его — не «бесцельная философия», а творческое «назидание себе и людям», не отвлеченные размышления, а реальная помощь «в борьбе, какую ведет наша страна за социализм».

Помощь, осуществленная методом подлинного искусства.

Зощенко впервые в этой повести сформулировал свою положительную программу. Впервые осознал и рассказал читателю, ради чего он до сих пор бичевал, уничтожал и высмеивал. Впервые у Зощенко появились настоящее солнце, настоящие страсти, настоящие люди. Стало ясно, что у писателя широкое дыхание, веселый наблюдательный взгляд, громкий взволнованный голос. И видеть все это не мешают в повести ее неудачи. Мы уже упоминали о них Теперь мы попытаемся рассмотреть их вплотную.

Сущность их в непреодоленной писателем иронии в отношении ко всему, о чем он пишет. Грузная тень Назара Синебрюхова (излюбленного некогда героя) нависла над «милыми и прелестными вещами», «происходящими на этом свете». И стремлением очень застенчивого человека — грубостью и иронией прикрыть восторженность и склонность к лиризму—выглядит манера писателя в рассказе о подвиге профессора Волосатова. Манера противоречивая, изобилующая неожиданными и далеко не необходимыми контрастами.

Не только лиризм, но даже простая серьезность неизменно сопровождается в повести не всегда уместным и грубоватым смешком.

Особенно ясно сказывается эта манера в пяти небольших рассказах, предпосланных повести.

Намерения автора в них совершенно серьезны. Но боязнь ли показаться слишком серьезным или стремление изложить свою мысль с предельной популярностью определили диссонирующий с замыслом тон, в каком эти рассказы ведутся.

Процесс усвоения и изображения явлений неразрывно связан у Зощенко с потребностью находить в них смешное и говорить о них смешными словами. Но если в рассказах о мещанах, собственниках и стяжателях эта потребность становилась умением, то в «Возвращенной молодости» она искажает замысел, она становится поперек его пути.

Зощенко чувствует это. И из повести, где серьезность кажется ему предосудительной, где смешные слова возникают, быть может, у него против воли, он то и дело устремляется к примечаниям. Здесь он позволяет себе быть серьезным и даже взволнованным. Здесь рассказ о чудесных вещах не прерывается ироническими замечаниями, здесь склонности и симпатии автора ясны и показаны прямо. Здесь Зощенко перестает быть печальным весельчаком и становится многое видевшим и многое знающим, негодующим и восторгающимся писателем.

Будто бы опасаясь, что, делая вещи смешными, он искажает их смысл, писатель рядом с изображенными в рассказе вещами кладет их рядом — в примечаниях — такими, какими он их получил.

В результате — новое жанровое образование: почти юмористическая повесть с почти научными комментариями, — образование, которое многим может показаться удачей и которое на наш взгляд—следствие преодоленных писателем трудностей.

И еще одна неудача. Скорее ошибка, допущенная автором в осмыслении материала, на котором сделана повесть.

Профессор Волосатов в повести одинок. Смешные и глупые люди, пришедшие из прежних рассказов Зощенко, окружают его. Среда, в которой совершается борьба профессора и где он достигает победы, дана автором в комментариях. Эта среда — люди, возвратившие свою молодость. Это Кант, Толстой, Галилей, Гоббс, Шеллинг, Пифагор, Сенека, Гете, Ньютон, Фарадей, Пастер, Гарвей, Дарвин, Спенсер, Смайльс, Платон, Сен-Симон, Эдисон.

Все они проделали тот же путь, что и герой «Возвращенной молодости». И, разумеется, среди них живет он — в повести, а не среди Каретниковых и Кашкиных, соседствующих с ним во времени и пространстве.

Но Зощенко не увидел разницы между профессором и его предшественниками, быть может, не такой разительной, какая была между ним и реальным его окружением но уж во всяком случае разницы не менее глубокой.

Суть в том, что значительная часть, а быть может, и все предшественники Волосатова, вернули свою молодость, идя на компромисс, ценой которого они устанавливали утраченное ранее равновесие. Суть в том, что их борьба за молодость была в то же время путем наименьшего сопротивления в борьбе с порядком, их окружавшим. И в этом плане они противостоят Волосатову, а не предшествуют ему. Потому что его борьба за молодость была в то же время борьбой за право участия в жизни, его окружавшей, а не стремлением уйти от нее или занять в ней место человека, пожинающего плоды чужих усилий. И настоящей средой, подлинно близкой профессору, идущей по пути, на который становится он, должны были быть в повести не Гете, Галлилей и Толстой и, разумеется, не Каретниковы и Лида, а люди, строящие порядок, которому нужны молодые, который помогает людям стать молодыми, порядок, который молод. Этих людей нет в повести Зощенко. И одиночество профессора Волосатова в ней незаконно. Потому что в реальной действительности он не был бы одинок.

Нужно думать, что Зощенко это знает Нужно думать, что герой новой вещи, которую он напишет, будет соседствовать с живыми людьми. И говоря о них, автору не придется уходить в комментарии, чтобы сохранить к ним симпатию, нетронутую иронией.

В послесловии к повести Зощенко пишет:

«Эта книга, для ее достоверности и для поднятия авторитета автора, обязывает меня жить по крайней мере семьдесят лет.

Я боюсь, что этого не случится. У меня порок сердца, плохие нервы и несколько неправильная работа психики. В течение многих лет в меня стреляли из ружей, пулеметов и пушек. Меня травили газами. Кормили овсом. Я позабыл то время, когда я лежал на траве, беспечно наблюдая за полетом птичек.

Нет, я не стремлюсь прожить слишком много, тем не менее я считаю позорным умереть в тридцать восемь лет.

Итак, книга кончена.

Последние страницы я дописываю в Сестрорецке 9 августа 1933 г.

Я сижу на кровати у окна. Солнце светит в мое окно. Темные облака плывут. Собака лает. Детский крик раздается. Футбольный мяч взлетает в воздух. Красавица в пестром халате, играя глазами, идет купаться.

Кашкин поспевает за ней, поглядывая на ее царственные плечи.

Он поигрывает прутиком и насвистывает победный марш.

В саду скрипнула калитка. Маленькая девчурка, как говорит мой друг Олеша, похожая на веник, идет в гости к моему сыну.

Благополучие и незыблемость этих вечных картин меня почему-то радуют и утешают».

Почему-то! Зощенко многое видит и понимает. И несмотря на то, что биография его совершалась на «плацете, для веселья мало оборудованной», он уже почувствовал в своей повести и, повидимому, понял не хуже многих других меру достигнутого нашей страной в деле «переоборудования планеты».

*) Редакция этой статьей открывает обсуждение повести Зощенко.

Привет сезду советских писателей Узбекистана

Эта книга будет портретом республики

Инициатива Алексея Максимовича Горького, предложившего конкретные мероприятия по укреплению интернациональной связи всех литературных отрядов Советского союза, уже приносит реальные результаты. Еще мало освещается опыт работы на местах бригад Оргкомитета, выезжавших в различные республики, области и пр. Но нет сомнения в том, что нечто практическое уже сделано.

Наша бригада по связи с литературой Узбекистана, выезжая на место, не представляла себе, какой большой размах уже приняло в Узбекистане литературное движение. Конечно, это только начало первые шаги того подлинного расцвета искусства, который в ближайшие годы мы будем наблюдать в Узбекистане

Народ, не знавший грамотности, выделил уже серьезные кадры поэтов, драматургов, начинает выдвигать и кадры прозаиков. В ближайшие месяцы в издательстве «Советская литература» выйдет большой (свыше 20 печатных листов) сборник впервые знакомящий русского, украинского, грузинского и других читателей с образцами узбекской поэзии, прозы, драматургии и фольклора. К художественному редактированию этих образцов привлечен целый ряд русских советских поэтов и прозаиков: **М. Светлов, В. Луговской, В. Гусев, П. Антокольский, В. Инбер, Л. Леонов, И. Катаев, Б. Лапин, З. Хацревин, Л. Славин, А. Митрофанов, Д. Стонов, С. Мстиславский, К. Финн** и др. Этот сборник, составленный узбекистанской бригадой совместно с руководством узбекистанского оргкомитета на месте, сыграет большую роль; он покажет, что **интернациональная связь всех литературных отрядов СССР**—не только декларация, а практическая, **производственная работа.**

Другая важнейшая задача, поставленная нашей бригадой, заключается в создании **художественного сборника об Узбекистане,** который должен выйти к празднованию десятилетия социалистической Узбекской республики. Уже сколочен рабочий коллектив, участники которого взяли на себя социалистическое обязательство сделать сборник (в коллектив входят тт. **Д. Мазнин, Б. Агапов, Л. Славин, В. Гусев, А. Митрофанов, Б. Лапин, З. Хацревин, В. Герасимова, Б. Левин, Е. Габрилович, Д. Стонов, А. Эрлих** и др.). Совместно с партийно-советским руководством Узбекистана и с узбекистанским оргкомитетом мы выработали план этого сборника, который должен дать самому широкому читателю во всех республиках СССР конкретное представление об огромных достижениях Узбекистана, этой основной хлопковой базы Советского союза.

Сборник будут делать русские и узбекские писатели. Это будет первая книга—художественный портрет национальной социалистической республики, со всеми ее конкретными чертами. Писатели, участники сборника, и сами многому научатся и, надо думать, сумеют отразить важнейшие проблемы жизни республики. Нет надобности доказывать огромную важность этой работы. Показать средствами художественной литературы торжество национальной политики Ленина и Сталина—такова почетная и ответственная задача, встающая перед участниками сборника.

Интернациональная связь всех литератур Советского союза, помимо всего прочего, имеет то значение, что дает нам возможность непосредственно, в самой почве, в самых корнях, прощупать основные процессы, наметившиеся сейчас на всем фронте искусства. **Искусство все больше становится творчеством самих масс трудящихся.**

Наша бригада имела возможность посетить ряд узбекских колхозов. В колхозе «Кзыл Юлдуз» Кокандского района мы сидели в чайхане на открытом партийном собрании, посвященном подготовке к XVII с'езду. Перед началом собрания, в перерывах после речей, оркестр в составе девяти человек-колхозников «Кзыл Юлдуз» играл на национальных инструментах и на скрипке (скрипка включилась сейчас в узбекский национальный оркестр). Оркестранты играли и пели. Мы, естественно, заинтересовались: что исполняют? Мы обратились через переводчика с этим вопросом к члену президиума собрания, комсомольцу. Он ответил, слегка смутившись:

— Поют о нашем колхозе, о хлопке, о Сталине, о зажиточной жизни...

— А кто автор этих песен?

— Я...

Факты этого рода говорят о начинающемся расцвете подлинно народного художественного творчества. Этот **массовый процесс роста «самодеятельного»** (слово сейчас кажется уже смешноватым!) **искусства оказывает решающее воздействие и на профессиональное искусство.** Например, узбекские и русские поэты Коканда пишут сейчас стихи, новеллы, басни для колхозных гапов (нечто вроде русских «посиделок»). Неверно было бы думать, что эти книжки ничем не будут отличаться от обычных «художественных» сборников для так называемых вечеров самодеятельности. Здесь никто не пишет «на заказ»,—здесь художник работает органически, выявляет в суб'ективно-полноценном творчестве **всего себя,** ни к кому не подделывается, не смотрит на тех, для кого он пишет, ни сверху вниз, ни снизу вверх. И вместе с тем он необычайно остро ощущает свою аудиторию.

Начинающийся расцвет народного художественного творчества идет по всей стране, во всех республиках, краях и областях Союза. Он выражается в самых разнообразных формах, он начинает все больше воздействовать на нашу литературу. В частности, особенно бурное развитие драматургии в Узбекистане показывает воздействие народного «самодеятельного» искусства на искусство **профессиональное,** подтверждая глубокую правильность положения т. Сталина о драматургии как наиболее **народном** жанре.

Узбекские писатели, повышая свой идейный, общекультурный и художественный уровень, должны упорно работать над укреплением постоянной, теснейшей связи с растущим искусством самих трудящихся масс Узбекистана.

Узбекистанский с'езд писателей должен будет заняться и этим вопросом, наряду с основными вопросами учебы.

Еще много недостатков в росте узбекистанского оргкомитета. Главные недостатки в том, что плохо налажена учеба и далеко недостаточно налажена связь с живой узбекистанской действительностью, с творчеством самих масс трудящихся. С'езд должен будет очень тщательно и практически проработать эти проблемы.

Очень радостным должно быть чувство литератора, реально включившегося в связь с литературой, а значит (если верно поставлена эта связь) и со всей жизнью той или иной национальной республики (тт. **В. Гусев** и **Д. Мазнин,** хорошо работающие в бригаде, могут рассказать о том, как много дает эта связь и поэту и критику). Очень радостно знать, что инициатор налаживающейся сейчас деловой, производственной, творческой связи—Алексей Максимович Горький.

От имени узбекистанской бригады, от имени Оргкомитета и всей писательской общественности мы шлем горячий привет узбекистанскому с'езду писателей!

В. ЕРМИЛОВ.

ЛИТЕРАТУРА УЗБЕКИСТАНА— ЧАСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ СССР

Узбекистан, неразрывная часть великого Советского союза, в 1933 г. впервые выполнил свой хлопковый план. Этого успеха УзССР добилась под руководством ЦК ВКП(б) в результате осуществления ленинской национальной политики.

Больших успехов Узбекистан добился и в других областях народного хозяйства (перевыполнение планов по шелку и хлебу).

Наряду с этим **огромны успехи Узбекистана и на культурном фронте.** Если до революции в Узбекистане насчитывалось 2 проц. грамотных (исключительно баи, купцы и духовенство), **то к концу первой пятилетки число грамотных рабочих и колхозников возросло до 65 проц. Через два года Узбекистан станет страной сплошной грамотности.**

До революции Узбекистан совершенно не имел художественных произведений, если не считать религиозной и джадидско-буржуазной литературы, рассчитанной на определенные слои населения.

Вместе с экономическим и культурным под'емом Узбекистана **растет национальная по форме и социалистическая по содержанию советская литература страны.** Литературное движение Узбекистана приняло массовый характер, но несмотря на достигнутые значительные успехи на литературном фронте художественная литература сегодня еще очень сильно отстает от бурного темпа социалистического строительства.

Историческое решение ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. обеспечило рост литературного движения Узбекистана.

Задачей Оргкомитета ССП Узбекистана являлось об'единение всех писательских сил, стоящих на платформе советской власти. На основе решений ЦК ВКП(б) Оргкомитет об'единил вокруг себя и пролетарских и тех советских писателей, которые до решения ЦК игнорировались УзАПП. Оргкомитет ликвидировал замкнутость писателей и писательской организации, в основном ликвидировал прежнюю групповщину и склочничество. Создана творческая обстановка. Писатели стали общественниками. Опорой литературного движения является писательский молодняк; самое большое внимание Оргкомитет уделяет работе с молодыми писателями. Однако в этой работе имеются крупные недостатки. Слаба конкретная творческая помощь молодым писателям.

Одной из задач Оргкомитета являлось привлечение к участию в литературном движении лучшей части старых писателей, как, например, Абдула Кадыри. Была сделана такая попытка и в отношении Фитрата (оба эти писателя в прошлом являлись авторами буржуазно-националистических произведений, оба являются крупными мастерами). А. Кадыри, автор националистического романа «Прошедшие дни» и «Скорпион из-под алтаря», теперь пишет на советские темы. Отрывки из его романа «Габид-Кетмень» показывают некоторую его перестройку, произведения же Фитрата, вышедшие за последнее время, показывают, что перестраивается он пока еще неудачно. Из числа старых

Тов. АНКАБАЙ, драматург, зам. председателя оргкомитета союза советских писателей УзССР

писателей, успешно перестраивающихся, следует указать на талантливого поэта Эль-Бека.

Основная масса писателей Узбекистана в настоящее время благодаря созданной творческой обстановке работает серьезно. Почти все основные писатели Узбекистана включились в конкурс на лучшее прозаическое произведение, об'явленный правительством Узбекистана

В узбекской литературе проза вообще отстает, и Оргкомитет принимает все меры для ее развертывания. Виднейшие писатели Узбекистана, как **С. Айни, Гафур Гулям, Абдулла Кахер, Н. Саид, Шамс, Борис Чепрунов, Берегин, Плетнев, Круковский,** дали за последнее время ряд прозаических произведений.

Поэзия Узбекистана развивается значительно быстрее, чем проза. В ней имеется, однако, еще ряд существенных недостатков, об'ясняющихся невысоким идейно-политическим и художественным уровнем значительной части поэтов Узбекистана. Сейчас крупные поэты Узбекистана—**Хамид Алимджан, Уйгун, Гайроти, Гафур Гулям, Айбек, Айдын, Хасан Пулат, Акилов, Бачаев, Лаврентьев, Титов-Омский** и др.—работают над произведениями из жизни Узбекистана.

Значительные сдвиги видны в области драматургии. После решения ЦК ВКП(б) от 23 апреля узбекская драматургия получила значительное развитие. Узбекский театр обогатился новым репертуаром.

Во всех театрах Узбекистана с большим успехом идут пьесы **Зия Саидова и Сафарова** «История заговорила» **Яшина** «Яндрамыз», **Фатхулина** «Истекляла», **Анкабая** «Шадман» и **Исмаилова** «Рустам». Основной недостаток драматургии—недостаточное отражение успехов социалистического строительства Узбекистана.

Старых писательских кадров в Узбекистане мало. Весь писательский актив вырос после Октябрьской революции. Он вырос в ожесточенной борьбе с буржуазно-националистическими писателями и контрреволюционерами (Бату, Рами, Алтан и др.). В борьбе с контрреволюционными элементами и буржуазно-националистическими идеологами в литературе растет и воспитывается писательский актив, который пополняет свои ряды новыми силами с заводов и из колхозов. Из среды молодых писателей можно отметить таких писателей, как **Захидов, Сагатов, Ф. Гулям, Долгополов, Турсунов, Даврон, Исраилов Н.** и др.

Марксистско-ленинская критика должна помогать писателям поднимать свой идейно-политический уровень, поднимать качество произведений. Однако в Узбекистане критические кадры значительно слабее передовых писателей.

В целом советская литература Узбекистана достигла значительных успехов именно после решения ЦК ВКП(б). Но ей еще предстоит громадная задача ответить на требования, поставленные социалистическим строительством.

Предстоящий 2б февраля с'езд советских писателей Узбекистана подведет итоги перестройки литературных организаций и наметит пути развития литературного движения Узбекистана—главным образом, в области прозы, драматургии и по вопросам творческой помощи молодым писателям.

Выезжающая в Узбекистан авторитетная бригада писателей, созданная по инициативе А. М. Горького, безусловно, поможет еще большему росту узбекистанских писателей.

АНКАБАЙ.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Войны и Ленин

Много людей прошло по земле, не оставив следов, но некоторые из людей оставили за собою след. Хоть не много было таких, но следы их были велики или злодейством или добрыми делами...

Давно-давно прошел по земле Тамерлан, и оставил он след кровавый, покрытый пеплом от сожженных городов.

Он сзади оставлял пустыню и трупы, а впереди, если он видел свет и радость, шел туда и сеял там мрак и печаль... Тамерлан был сильным, но силу свою он употребил на горе земле.

Чингиз-хан привел с собой на землю дикие толпы, и у него был один закон: убивать и грабить; он прошел по пескам и пустыням, по лесам, степям, городам и равнинам, и по его пятам текли реки крови, слез, а вслед ему шипели проклятия... Могуч был Чингиз-хан. Но его дикие орды не оставили камня на камне на земле...

Искандер пришел из-за морей, одетый в сталь и золото, и воины его на солнце блестели красивыми железными шапками, их щиты были красивы, их копья были великолепны, любовалось солнце на них, когда они шли друг за другом в гробовом молчании, сверкая копьями. И ничто не могло сдержать железной стены — она не разбегалась, как войско Чингиз-хана, она шла вперед, плечом к плечу...

Но сзади и она оставляла тот же пепел, как Тамерлан и Чингиз хан.

Великолепен, молод и могуч и умен был Искандер, но его сердце было так же жестоко, дико и любило разрушение, как сердце дикого Чингиз-хана...

Могуч и славен в мире богатырь Али, а прославился он тоже огнем и кровью,—он убивал сразу по ста человек, и поэтому мир запомнил его имя.

Недавно был Николай, царь русский он тоже будет долго жить в памяти людей,—он разрушал, убивал, сжигал и порабощал целые народы. Он жил в роскоши, в громадном каменном городе, его генералы были одеты в золото, но плеть была в их руках так же тяжела для людей, как в руках палача...

Эти имена помнит земля, но лучше было бы, если бы не помнила она их,—она их помнит как проклятие и ужас...

Только год, как умер еще один человек, живший там же, где и Николай, и правивший теми же людьми,—только год, как умер Ленин...

Ленина будет помнить земля по-другому, он снова посеял свет там, где Николай сделал мрак. Он смел пепел с пустынь, обеспложенных Тамерланом, он построил города, разрушенные Чингиз-ханом...

Воины: Тамерлан, Чингиз-хан, Искандер и Николай, если видели свет,—делали мрак, если видели сад,—делали пустыню, если видели жизнь, — делали смерть... Ленин, если видел мрак,—делал свет, из пустыни делал сад, из смерти жизнь, и был он могучее всех этих воинов, соединенных в одно, потому, что один в восемь лет построил, что они разрушали тысячу лет...

Пройдут еще тысячи лет, и люди, не видя пустыни и смерти, забудут о войнах, но о Ленине до конца дней своих не забудет земля, содрогаясь при воспоминании о крови, течение которой остановил Ленин.

Записано в кишлаке Джумак в Ферганской области в апреле 1925 года Л. Соловьевым.

„Работай, сердце, полное огня!“

Юноши колхоза «Кзыл Юлдуз» («Красная звезда») Кокандского района обучаются музыке и пению у специального учителя, приглашенного правлением колхоза из Коканда и постоянно живущего в колхозе.

Девушки еще стесняются заниматься вместе с юношами, и правление пригласило для них двух артисток-колхозниц одного из колхозных театров Кокандского района. Они обучают девушек «Кзыл Юлдуз» танцам, пению, музыке и сценическому искусству. Правление отвело помещение возле нового общественного амбара, где они репетируют свои пьесы и инсценировки, которые потом показывают на колхозных вечеринках («гапах») в красной чайхане.

Колхозники, женщины, дети с мешками, набитыми нераскрывшимися коробчками хлопка («кураком») идут по вечерам в красную чайхану. Они наполняют ее до-отказа (правление колхоза подумывает о ее реконструкции и расширении) и принимаются за работу: чистят «курак», вынимают из коробочек волокно. Под тихий шелест рабочих идут собрания, секретарь ячейки проводит беседы, председатель колхоза сообщает о ходе работ. Колхозники внимательно слушают, не прерывая работы.

«Ухо — за вами, руки — за работой», — говорит кто-то из колхозников, когда секретарь об'являет собрание открытым.

Во время работы, в перерывах между речами ораторов, поет и играет оркестр. Работа в оркестре учитывается при распределении трудодней.

Вот текст песни, которую поет и играет оркестр:

Сильные руки, не уставайте,
Хлопок целый день собирайте.
Не замечая вечера и дня,
Работай, сердце, полное огня!
Ты слышишь и мечтаешь о сборе хлопка,
Встаешь до рассвета, боясь опоздать.
Бежишь, улыбаясь,
по утренним тропкам
Белое золото собирать.
Работайте, сестры, не уставая.
Покажите мужество в этом бою,
Блестящее золото собирая,
Руками обнимая
гуза-паю[1].
Собирайте чисто! Сильными руками.
Ускорьте нашей работой шаг.
Не уставайте, сестры,
идущие с мешками,
Набитыми хлопком,
в кишлак!

Эта песня записана нами 10 декабря 1933 г., в красной чайхане колхоза, на собрании, посвященном XVII с'езду партии.

Написал песню секретарь колхоза Хайдар Мухамеджанов. Он — комсомолец, родился в 1910 г., стихи пишет с 1932 г. Сейчас их накопилась целая большая тетрадь. Он аккуратно записывает туда каждое новое стихотворение. Стихи его посвящены революционным праздникам и вопросам колхозной жизни. Большинство из них, на мотивы народных песен, поют и играют колхозники «Кзыл Юлдуз».

ВИКТОР ГУСЕВ.

[1] Гуза-пая — хлопковая «солома», употребляется как топливо.

Поэтическая обработка **В. Гусева.**

ТАК РОЖДАЕТСЯ ПЕСНЯ

ГАФУР ГУЛЯМ

Я видел
великих морей исполинские
волны,
я видел
самумы в просторе широких
пустынь,
я видел
вулканов безумствующее своеволье,
Я пережил дни тоски, сиротства и
горя,
я пережил ночи, которые жизнью
звались,
я пережил годы гревог и разноголосицу споров...
Я все-таки зажил, я все-таки полной
грудью,
высокой и сильной, как сизого
сокола грудь.
Смог на этом пути, крутом, извилистом, трудном,
глубоко и гордо, свободно и
славно
вздохнуть.

Я пересек степей величественные
просторы,
и много стран посетил, морей, лесов
и долин.
С кровоточащими пятками я переваливал горы,
уродливые вершины горбатой
старухи земли.
Я исходил полмира в грязной своей
тюбетейке.
Пустой мешок за спиной и палка в
руках проста.
Я сторожем был у ворот
богатейшего дома,
учеником кустаря, помощником
кузнеца,
уборщиком бань...
Но чем бы я ни был, помню —
веселье и беззаботность не шли с
моего лица.

Сегодня я обращаюсь к занятьям
моим и ремеслам:
я вздумал отречься от вашей
седеющей старины.
Я становлюсь поэтом, кто песней
звонкоголосой
прославит вечно зеленый простор
молодой страны...
Я новой эпохи свободный певец,
и огненных слов моих строки
отданы
нового мира миллионам сердец.
И песня моя горяча и свободна.
И песня моя об одной из семи
советских республик — об Узбекистане.
Я голос под'емлю, клич устремив
на ближний Восток — в угнетенные
страны!..

Перевод с узбекского Бориса Бессонова.

Ташкент, 1933 г.

ПРИВЕТ ПИСАТЕЛЯМ СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА!

От всего сердца приветствую с'езд Союза советских писателей Узбекистана.

УзССР благодаря неуклонному проведению в жизнь указаний ленинской партии, ее вождя и учителя т. Сталина добилась громадных хозяйственных успехов. Имя республики, чьи колхозы перевыполнили хлопковый план, засияло яркой звездой, гордостью всего Советского союза.

Недешево дались эти успехи. Отчаянно и упорно боролся агонизирующий классовый враг, пытаясь сорвать, задержать победоносный ход социалистического строительства, отдалить момент полной своей гибели.

Все мы — очевидцы и участники этой борьбы с остатками эксплоататорских классов. Наша литература — идейное оружие пролетариата-диктатора — призвана организовывать и воспитывать сознание масс, мобилизовывать их вокруг знамени партии на борьбу за освобождение от гнета всего трудящегося человечества; призвана разоблачать и разоружать классового врага, неутомимо бороться против разлагающего влияния его идеологии, против религиозных суеверий, шовинизма — против всех язв, оставленных нам в наследие капиталистическим строем.

Понятно, что и на этом участке борьба была чрезвычайно обостренной и иною быть не могла. Борьба эта продолжается и теперь, принимая новые формы, и будет продолжаться еще долго.

Советская литература в целом значительно отстает еще от требований социалистической стройки. Однако о литературе УзССР можно с уверенностью сказать, что она мощными шагами движется вперед, обгоняя литературу других братских республик Средней Азии.

Узбекская литература вправе гордиться своими успехами. Однако обольщаться ими не следует. Ей предстоит еще многое сделать для того, чтобы достигнуть должной высоты.

Не раз, делясь с товарищами своими мыслями о путях развития нашей литературы, я подчеркивал, как важно для нас критически освоить богатое наследие, оставленное нам классиками Востока, выделить из него те художественные ценности, которые могут сослужить службу нашей социалистической литературе.

Учиться у революционных пролетарских писателей, в первую очередь у мастеров русской, советской литературы,

быть грамотными вообще и политически грамотными в особенности,

привлечь к себе все старые писательские силы, которые могут быть чем-либо полезны нашему развитию, использовать даже врагов, которых вынудила сдаться победа социализма в нашей стране, ни на секунду не забывая, однако, что мы должны использовать их, а не давать им использовать себя,

главное внимание устремить на воспитание новых, молодых кадров, идущих в литературу с социалистических заводов и полей, — таковы важнейшие задачи, стоящие перед нами.

Я убежден, что с'езд разработает и укажет конкретные пути их осуществления, даст четкую руководящую линию дальнейшему развитию узбекской советской литературы.

Вперед, за творческое слово, достойное социалистического бесклассового общества. **Пусть на грядущей великой выставке истории литература советского Узбекистана займет такое же видное место, как хлопок узбекских колхозов, как продукция социалистических заводов узбекской республики.**

Ваш ЛАХУТИ.

Перевод с узбекского **С. Паластрова.**

Уйгун Джан-Темир

Не имел он
жены и детей,
Одинокий и бедный
джигит.
Ни угла,
ни постели своей.
Наслажденьями жизни забыт
И с утехами не знаком,
Шел измученным через мир,
Шел истерзанным пастухом
Молодой джигит
Джан-Темир.

★

Еще фонарь небес не угасал,
Не откочевывали звезды,
нет,
Не обматывал небеса
В золотистый яхонт
рассвет.
Не рождалась еще заря,
Золотою улыбкой горя.
Облаков белопенный вал
Перья золота
не отрясал,
Лишь один
Джан-Темир
вставал.

★

Палку грустно свою волоча,
Уходил он со стадом в поля,
Там его окружала печаль,
Как зеленый ковер —
земля.
Может быть,
может быть,
в тех местах
Расстилался рассветный дым
И сверкали пейзажи там
Переливчатым блеском своим.
Может быть,
украшая мир,
Всем на радость
устроив пир,
Заливались
на флейтах своих
Грациозные соловьи.
Может быть,
молодые ветра,
Начиная свой путь с утра,
Дуя,
вея,
играя с травой,
Лили радость
в сердце его.
Может быть,
говоря ему:
«Ты,
Ты утешься,
наш грустный брат».
Колыхались кругом цветы,
Восхитительный бросив взгляд.
Птицы,
легким взмахнув крылом
И увидя,
что нищ он и сир,
Может быть,
говорили о нем:
«Он пришел,
дорогой Джан-Темир».
Может быть,
начинаясь вдали,
Возникая в горах, не здесь,
Серебристые воды текли,
Как приятная, сладкая песнь.
И с высокой горы
они вниз
Упадали, прообразом дня
Рассыпаясь на тысячи брызг,
Колокольчиками звеня
Мир был тихой росою покрыт,
наступала рассвета пора.
И, быть может,
как резвый джигит,
Перед ним возвышалась гора.
И, быть может,
встречал день,
Говоря:
«Мне сам чорт не брат».
На широкие плечи надев
Синий
шелковый,
яркий халат.
Тюбетейку белых снегов,
Серебристую,
сдвинув чуть,
Улыбаясь,
усы закрутив,
Там глядела она на него,
Приглашала его отдохнуть
У подножья ее,
на пути.

★

Нет!
Он этим не мог согреться,
Хоть была молода и легка,
Но ни капли покоя в сердце
Не роняла улыбка цветка.
Мог ли счастье найти он
в цветах,
Когда горе над ним неслось.
Изо всякого грязного рта
Оскорбление в сердце лилось.
И вонзалось,
как острый кинжал,
Набухало,
как гнойный нарыв,
И горело
десятками жал,
Раны,
старые раны раскрыв.
Когда время кричало:
«Держись!»
И влекло его в ночь и тьму,
Когда цепкими лапами жизнь
Горло сдавливала ему.
Когда с горькой приправой обид,
Жребий свой проклиная стократ,—
Он глотал,
наш несчастный джигит,
Вместо пищи—
ужасный яд.
Так о счастьи ль
цветы прокричат,
Соловьи ль
утешенье дадут,
Раз лежит в его сердце печаль,
Словно старый,
ленивый верблюд?
И в садах его сердца
тогда
Было некому песни петь,
И свободно не смели туда
Птицы радости прилететь.
В те несчастные времена
Проходила в долинах весна,
Наслажденья не дав ему,
Потому что он нищ,
потому
Что таков уж удел бедняков,
Потому что тело ему
Жгла проклятая плеть
барчуков,
И подошвы хозяйских сынков
Ему щеки давили в кровь,
Омрачая
и душу, и мир,
Оскорбляя
и чувство и честь.
И в глазах твоих,
Джан-Темир,
Загоралась
и сила
и месть.
И в железные мускулы вновь,
Гнев
и силу
и ярость крепя,
Ударяла войною кровь,
Не стихая,
бунтуя,
кипя.

★

В злое время царей и эмиров,
В злых об'ятьях мучительных лет,
Сколько их,
молодых Джан-Темиров,
Шло,
тоскуя,
по старой земле.
Шли
несчастными батраками,
Чайрикерами,
малаями,
Шли голодными пастухами.
Проходили унылые дни.
Время тягостное ползло.
Но совсем не сдавались они,
Как бы ни было им тяжело.
Сколько-б ни было им
на пути,
Бед и тяжестей
на горбу —
Продолжали они вести
Против гнусных хозяев
борьбу.

★

Шли дожди,
наступало тепло,
И вертелась земля
и неслась.
Очень много воды утекло,
И победа в победу
вплелась.
Джан-Темиры,
былое поправ,
И насилью воскликнув:
«Гори!»
И невиданной силы набрав
От дыханья могучей зари,
По дорогам
гремящей земли,
В сердце радость вложив бойцов,
За героями города шли,
Целовали победу в лицо.

★

Знает он,
молодой Джан-Темир,
Что прекрасен
и радостен мир,
И что сердце
горит огнем,
Когда воля
и счастье в нем.
Что сжигая былое
до-тла,
Руку мощную
дав беднякам,
Наша партия
их привела
К этим славным
и доблестным дням.

ПОХОРОНЫ ЭДУАРДА БАГРИЦКОГО

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

...Пришли друзья, в прошлом не раз обласканные теплом бескорыстного участия Эдуарда в их личных болях и страданиях; пришли старые боевые соратники, кровными узами связавшиеся с ним на фронтах гражданской войны, где с героическим упорством защищали они жизнь и независимость молодой пролетарской республики; пришли товарищи «по цеху», неоднократно, в минуты творческих сомнений, прибегавшие к помощи и авторитетному совету его, хотя многие из них и сами уже получили всеобщее признание; пришли его ученики, учившиеся у него честному отношению к слову, уважению к поэтическому труду, черпавшие в общении с ним мужество для участия в боях за создание социалистической литературы; пришел и читатель, тот самый «вузовец и слесарь», у которых сильнее и трепетнее бьется сердце и яростнее вскипает кровь, когда они приближаются к поэзии Багрицкого...

Они пришли и, часто смеркаясь в почетном карауле, в бессловесной скорби всматривались в изменившиеся черты дорогого лица...

К 12 часам дня помещение Дома писателя было переполнено. Запружены народом двор и улица. Друзья выносят гроб и устанавливают его на грузовике. Глухой болью отдаются в сердцах звуки траурного марша, низко склоняются знамена, и медленно трогается грузовик, на котором Эдуард Багрицкий совершает последний свой путь. Шествие заключает эскадрон кавалерии, явившийся воздать воинские почести поэту, чье имя знает и любит Красная армия.

В 2½ часа в крематории у гроба Багрицкого речью т. **Фадеева** открывается прощальный митинг.

— Тяжело расставаться с Эдуардом, — говорит Фадеев. — не только потому, что он умер таким молодым, но еще и потому, что он уходит в счастливое время, о котором могли только мечтать замечательнейшие умы человечества.

Лучшее, что можно сказать о Багрицком, — это то, что он всем своим существом принадлежал нашему мужественному поколению, перестраивающему мир. Мужественные интонации — отличительное свойство его стихов, и именно это делает их такими любимыми, такими нужными.

Будем учиться у Багрицкого подлинной любви к друзьям и подлинной ненависти к врагам. Будем учиться у него пониманию социалистического искусства, как величайшего искусства всех времен.

Тов. **Е. Усиевич** говорит о высоком авторитете, которым пользовался Багрицкий в литературной общественности, о его неразрывной связи с нею несмотря на длительную болезнь.

Когда случалось что-нибудь важное, исключительное в нашей литературной жизни, мы всегда задавались вопросом: а как смотрит на это Эдуард, а как расценивает это Багрицкий?

Он жил нашими общими интересами в полном смысле этого слова, вот почему он, несмотря на свою невольную изолированность последних лет от внешней действительности, так глубоко знал ее, так шел в ногу с лучшими людьми нашего времени.

— Я не помню, чтобы кто-нибудь из нашей среды так горел творческим пламенем, любовью к искусству, как Эдуард, — вспоминает т. **В. Луговской**, — я не помню, чтобы кто-нибудь так честно, прямодушно и сурово указывал товарищам на недостатки их произведений, как этот мягкий, чуткий и внимательный человек.

Какого изумительного друга потеряли мы!

Душевным качествам Багрицкого было посвящено и краткое слово **И. Ионова**...

...В три часа тело поэта было предано кремации.

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Глубоко потрясены смертью Эдуарда Багрицкого, передового советского поэта, крупнейшего мастера революционного слова. Багрицкий много сделал для укрепления братского единства русской, украинской советских литератур.

Оргкомитет Украины: Кулик, Кириленко, Городской, Микитенко, Копыленко, Щупак, Фефер, Иван Ле.

★

Глубоко скорблю о смерти Эдуарда.

Дмитрий Петровский.

★

Потрясен смертью прекрасного поэта, исключительного товарища, давнишнего друга. Тесней, товарищи поэты, вокруг знамен партии.

Александр Безыменский.

★

Еврейские поэты Белоруссии глубоко потрясены смертью прекрасного поэта и друга, мастерского переводчика еврейской советской поэзии Эдуарда Багрицкого.

Аксельрод, Каменский, Кульбок, Лившиц, Тенф, Хорик, Юдельсон.

★

Советская поэзия потеряла большого мастера Эдуарда Багрицкого. Поэты Украины глубоко потрясены внезапной смертью собрата.

Кулик, Первомайский, Усенко, Городской, Фефер, Гильдин, Петников, Сосюра, Голованивский, Панов, Недоля, Хазин, Рыбак, Бездомный, Кац, Булатович, Шеремет, Тычина, Бажан.

ОН РОС ВМЕСТЕ С РЕВОЛЮЦИЕЙ

Умер Эдуард Багрицкий, наш любимый товарищ. Его любили даже те, чьи поэтические пути расходились с его путями.

Вначале Эдуард был романтик. Он хотел песней заслониться от жизненных противоречий, но он понял, что это невозможно. Он понял, что за устранение их нужно бороться и что в этой борьбе за коммунизм советский поэт не может стоять в стороне. Багрицкий рос вместе с революцией. Он хотел быть и стал ее певцом.

Н. Асеев, Мих. Голодный, Илья Сельвинский, Вера Инбер, С. Третьяков, Вл. Луговской, М. Светлов, Н. Дементьев, А. Жаров, И. Уткин, С. Кирсанов.

Э. Багрицкий сам нарисовал на себя этот шарж.

БОЛЬШЕ РАБОТАТЬ

Смерть Багрицкого—тяжелая утрата для молодой советской поэзии.

Чуткий замечательный поэт, мастер, Эдуард Багрицкий на протяжении своего литературного пути работал над выявлением молодых талантливых поэтов, содействуя им овладеть нелегким мастерством поэзии, всячески стараясь выковать из них квалифицированных, подлинных работников пролетарской литературы.

Многие из нас неоднократно консультировались Багрицким, в теплых товарищеских беседах с ним уяснялось многое, до того непонятное в поэтическом творчестве.

В нашей поэзии товарищ Эдуард по праву был любимейшим поэтом, учителем литературного молодняка.

Больше работать над собою. Учиться и учиться... Быть достойным выразителем великой эпохи,—зовет каждого из нас преждевременная смерть лучшего поэта Советской страны.

От об'единения писателей и поэтов альманаха «Молодость» при издательстве «Мол. Гвар.» Ю. Подгаецкий, В. Аврущенко, Н. Родионов, З. Александрова, С. Подделков.

...РАБОТНИКИ СТРАНЫ...

Умер Эдуард Георгиевич Багрицкий.

Он был для нас не только примером поэта и человека, но и замечательным другом и учителем.

Мы часто приходили в его комнату. Сидя по-турецки на диване, он читал нам Пушкина, Батюшкова, Бенедиктова, загораясь, увлекаясь. Такие вечера наполняли нас желанием хорошенько изучить этих поэтов, постигнуть их мастерство.

Он критиковал наши стихи удивительно тонко и чутко. Выжимал воду из строк. Прививал нелюбовь к трюкачеству и кривляниям. Учил правильной композиции и сюжетному построению стиха.

Когда стихи ему не нравились, он старался как-нибудь «замять вопрос». В таких случаях он сразу же переходил к разговору о технологии стиха, об отдельных элементах стиля. Когда же стихи нравились, он просто говорил:

— Вот это настоящее!

В отношениях его с нами не было и тени натянутости. Но он и не похлопывал по плечу.

...Так, вытерев ладони о штаны, Встречаются работники страны.

Эти строчки Багрицкого могли бы послужить эпиграфом к статье о работе Багрицкого с молодыми кадрами.

До последней минуты он сидел над своей тетрадью, обдумывая и отделывая стихи.

Смерть вырвала из его рук боевое поэтическое оружие.

Мы потеряли большого товарища, но мы поднимаем его еще горячее перо.

Поэты творческого об'единения «Смена»:

П. Железнов, П. Панченко, А. Ойслендер, А. Шпирт.

УМЕР НАСТОЯЩИЙ ПОЭТ

Умер большой поэт Эдуард Багрицкий. Трудно этому поверить и тем более осознать эту преждевременную смерть. Имя Эдуарда Багрицкого всегда держало нас в ожидании чего-то нового, подлинно поэтического и меньше всего связывалось с этим именем бесплодная неожиданная смерть.

Первое, что приходит на ум, когда говоришь о Багрицком,— это исключительное чувство ответственности в отношении к своей поэтической работе, питавшееся, несомненно внутренней чистотой и глубоким дарованием поэта и человека.

Трудно сказать многое о поэте, потерю которого почти еще невозможно осознать.

ИОСИФ УТКИН.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

Потеря Багрицкого—великая утрата для советской поэзии. Она стала утратой и для советского театра. Багрицкий пришел в театр недавно, но он принес в него всю ответственность большого поэта, честность своего прекрасного мастерства, глубину своих мыслей. Он никогда не лгал ни перед собой, ни перед страной. Он писал мало, но работал много, настойчиво ища предельно ясного и точного выражения образа—он высоко оценивал значение искусства в наши дни каждая его строфа, появлявшаяся в результате больших волнений и дум, была им строго проверена, по нему можно и должно было равняться.

Музыкальный театр им. Немировича-Данченко глубоко потрясен неожиданной смертью замечательного и благородного художника Советской страны.

Литература и патефон

Пройдитесь по квартирам рабочих в новых домах. Почти в каждой вы увидите небольшой ящичек и несколько пластинок с наклейками Грампластреста.

Политотделы МТС Московской области поставили себе задачей к весне добиться, чтобы в каждом красном уголке колхоза был патефон и несколько дюжин пластинок.

Патефон стал мощным оружием в арсенале культурной революции.

Сто тысяч портативных граммофонов за последние два года были выпущены в продажу.

Вчера директор фабрики звукозаписи Грампластреста показал нам два голубых патефона. Тщательно отделанные чемоданчики блестели никелированными частями. Тов. **Коростылев** по очереди их заводил. Без малейшего механического призвука, чисто и громко, как будто в соседней комнате, звучал оркестр. На одном из патефонов марка: «His masters voice», — он сделан в Америке. Мы не могли отличить заграничный патефон от только что выпущенного ленинградской фабрикой нового образца.

К концу второй пятилетки мы будем выпускать полтора миллиона патефонов в год, по качеству не уступающих прославленным американским. Во Владимире и Коломенском достраиваются два больших завода патефонов.

А пластинка?

Хороших пластинок у нас, пожалуй, меньше, чем патефонов. Зайдите в музыкальный магазин. Вам предложат несколько пластинок с оперными ариями, может быть два-три отрывка из оперетты, частушки и хор Пятницкого. Ассортимент убогий. К тому же пластинки хрипят, свистят и скрипят.

Центральный комитет партии в ноябре прошлого года постановил передать Грампластрест из ведения Наркомлегпрома в систему Наркомтяжпрома. Была намечена программа увеличения выпуска патефонов и борьбы за лучший ассортимент пластинок повышенного качества.

Уже достигнуты некоторые успехи. Пластинки записываются сейчас только по системе электрозаписи. Пересмотрен технический процесс их производства. Выпущенные на-днях новые пластинки уже чисто передают записанные звуки.

В этом году будет выпущено три миллиона пластинок. К концу пятилетия производство граммофонных пластинок будет доведено до сорока миллионов штук в год.

В. Качалов диктует для граммофонной записи.

Что же будет записано?

Фабрика звукозаписи предполагает сделать в этом году 400 записей. Мы знакомились с производственным планом. Помимо серии пластинок «Музыкальное наследие», оперных отрывков, танцовально-развлекательной музыки, намечено записать лучшие образцы музыкального творчества народов СССР.

Задумана интересная серия — «Наши достижения». Первая пластинка из этой серии — **«Четыре победы»** — была вручена делегатам XVII с'езда партии.

Вскоре будут записаны доклады академика **Кржижановского** о достижениях советской энергетики, академика **Баха** о победах советской химии, академика **Винтера** о Днепрострое, профессора **Розанова** об успехах советской медицины и т. д.

На пластинке записываются воспоминания старых революционеров и большевиков. На-днях диктовали свои воспоминания т. **Феликс Кон** и участник Парижской коммуны **Густав Инар.**

Выпускаются пластинки в специальных альбомах, предназначенные для колхозного слушателя. Готовится большая школьная серия.

А литература? План фабрики звукозаписи предусматривает производство пластинок с выступлениями **Максима Горького, Шолохова, Панферова, Гладкова, Серафимовича, Ставского, Асеева, Безыменского** и **Сельвинского.**

Алексей Максимович уже дал согласие и в ближайшие дни продиктует пластинку. Что будут говорить другие писатели и когда, неизвестно.

Некоторые из писателей **(С. Кирсанов, Сельвинский, П. Романов)** приглашены для работы по серии художественного чтения.

Лучшие советские чтецы: **Качалов, Москвин, Блюменталь-Тамарина, Яхонтов, Шварц, Журавлев** и др. будут читать для записи на пластинки избранные произведения советских писателей.

Однако **пластинки с литературным материалом занимают недостаточное место в плане 1934 г. Литература и патефон не в дружбе. В художественно-политическом совете Грампластреста нет даже представителя Оргкомитета ССП.**

В то же время какие блестящие перспективы для наглядного ознакомления трудящихся с лучшими произведениями советской литературы таит в себе патефон. **Однако в колхозную серию, например, не включено ни одной литературной пластинки. Нет их и в школьной серии.**

Для разработки плана записей литературных произведений необходимо организовать бригаду в помощь Грампластресту. Такая бригада из представителей Оргкомитета и «Литературной газеты» в ближайшее время должна быть создана.

Патефонная пластинка в красном уголке колхоза, в рабочей квартире и школе сделает многое для наглядной пропаганды лучших произведений советской литературы.

Г. ГРУЗД.

РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ ПИСАТЕЛИ НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

ГрузГИЗ уделяет большое внимание изданию художественной литературы.

Находящийся в Москве заведующий отделом художественной литературы Госиздата Грузии т. **Н. Мицишвили** ознакомил нас с производственным планом отдела на 1934 год.

По серии русской литературы ГрузГИЗ уже выпущена книга **В. Ставского** «Разбег», сданы в производство. **М. Шолохов** «Поднятая целина» **А. Толстой** «Петр I», **П. Павленко** «Баррикады», переводится на грузинский язык **Ю. Тынянов** «Смерть Вазир-Мухтара».

Из русской классической литературы уже переведены на грузинский язык: избранные произведения **М. Салтыкова-Щедрина** (большой однотомник), «Евгений Онегин» **Пушкина,** «Герой нашего времени» **Лермонтова,** «Детство, отрочество и юность» **Л. Толстого.** Ко второй половине 1934 г. будет закончен перевод «Писем с того берега» **А. Герцена,** «Что делать» **Чернышевского**

Из иностранной переводной литературы в ГрузГИЗ уже вышли из печати: первая часть «Божественной комедии» **Данте** («Ад» в переводе К. Гамсакурдия и К. Чичинадзе) и переводится «Чистилище». Сдана в набор большая эпическая поэма «Сказание о нибелунгах» в переводе К. Чичинадзе, готов перевод с греческого «Одиссеи» **Гомера** (перевод проф. С. Каухчишвили), «Дон-Кихот» **Сервантеса,** «Декамерон» **Дж. Бокаччио** (полный перевод с итальянского). Сдан в набор перевод книги **Диккенса** «Давид Копперфильд» и др.

К всесоюзному с'езду писателей ГрузГИЗ выпускает большую антологию **«Грузинская литература»,** куда вошли лучшие образцы современной советской грузинской прозы и поэзии. Размер книги 30 печ. листов. ОГИЗ уже дал согласие отпечатать к писательскому с'езду эту антологию в одной из московских типографий.

Такого же характера антологию в хорошо оформленном издании выпускает ГрузГИЗ и на грузинском языке в Тифлисе. Весь тираж этой книги (15.000) еще до поступления в продажу уже разошелся по предварительной подписке.

Отдельные сборники писателей Абхазии, Юго-Осетии и Аджаристана выпускает ГрузГИЗ к всесоюзному с'езду писателей.

УСТРЕМЛЕННАЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ

Гайдар — самый популярный детский писатель. Только Кассиль так же известен среди детей, — утверждал т. **Фрайерман,** и с ним согласились все библиотекари и детские писатели, собравшиеся на вечере Гайдара в редакции журнала «Пионер». У Гайдара есть чему поучиться и, прежде всего, знанию детской психологии. Язык его произведений именно такой, какой нужен для детей: простой, ясный, музыкальный.

Тов. **Шабад** говорила, что произведения Гайдара по-хорошему безвозрастны. Их с интересом читают ребята 8, 10, 16 лет и даже взрослые. «Непосредственность» Гайдара, о которой говорила т. **Смирнова** (докладчик), не простая непосредственность, а «хитрая». Это — мастерство и знание ребенка.

— У Гайдара нет надуманных образов ребят.

— Гайдар умеет видеть глазами ребенка, — говорили другие.

Выступавшие подчеркивали, что в основе творчества Гайдара лежит здоровое начало. Гайдар стремится передать героику пролетарской революции и социалистического строительства. Поэтому мы так любим Гайдара, — говорила т. **Алексеева.** Отмечали и недостатки Гайдара: он еще не нашел своего «голоса», много неразработанных характеров, образы ребят мало индивидуализированы и т. д.

Много споров возникло вокруг «Сказки о военной тайне», но все признали, что это произведение Гайдара интересно как опыт построения сказки на современном материале.

—★—

Что нового?

✱ «Всекохудожник» организовал в клубе им. Авиахима, на Ленинградском шоссе, передвижную выставку молодого советского художника **Б. И. Борисова**—одну из цикла передвижных выставок в рабочих клубах. Опыт этих выставок показал их большое значение для ознакомления широких рабочих масс с советским изобразительным искусством в лице его отдельных представителей.

На выставках в рабочих клубах организуются доклады о творчестве данного художника, дежурные лектора проводят беседы с посетителями.

КНИГА И ПОСЕВНАЯ КАМПАНИЯ

В связи с подготовкой к весенней посевной кампании Библиотечный сектор Наркомпроса РСФСР обратился с письмом к местным ОНО, совпрофам, политсекторам, крайзу и политотделам МТС и совхозов. Письмо, подписанное зам. наркома т. **Н. К. Крупской,** обращает внимание на необходимость быстрейшего улучшения работы сельских библиотек и всей политпросветработы с книгой среди рабочих МТС и совхозов, колхозников, крестьян-единоличников.

Письмо содержит ряд конкретных указаний о постановке этой работы. В частности оно предлагает во всех областях и краях организовать трехдневные курсы-конференции библиотекарей, передвижников и книгонош-чтецов по определенной программе.

—★—

Книжная витрина

★ В «Издательстве писателей в Ленинграде» вышло четвертое издание романа **М. Шагинян «Гидроцентраль».** Роман вышел в книжной серии, рассчитанной на политотдельских работников, деревенский культактив и т. д.

★ Вышла в свет книжка стихов Руд. Бершадского «Линия прицела» («Издательство писателей в Ленинграде»).

ОТ РЕДАКЦИИ

В вышедшем в МТП сборнике «Писатели к XVII партс'езду» указано, что он составлен бригадой «Литературной газеты».

Редакция раз'ясняет, что составители сборника бригадой «Литературной газеты» не являлись и составили сборник в персональном порядке.

Ответственный редактор **А. А. БОЛОТНИКОВ.**
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверской бульвар, 25. Дом Герцена, 3-й этаж, тел 1-30-63 и 2-80-12.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

ИЗВЕЩЕНИЯ

20 февраля, в 19 час., в Центральном клубе строителей (Разгуляй, Доброслободский, 5) творческий вечер писателя **Н. Берендгофа.**

21 февраля, в 19 час. (в Доме Герцена) занятие политической бригады под руководством т. **Тимофеева.**

21 февраля, в 19 час., в Доме Герцена очередной декадник журнала «Литературный критик» — обсуждение романа Бруно Ясенского «Человек меняет кожу», вступительное слово **Е. Усиевич.**

22 февраля, в 18½ час., в редакции «Смена» (М. Черкасский, 1, ком. 17) — очередное собрание творческого об'единения.

22 февраля, в 18 ч. 30 м., в помещении МТП (М. Гнездниковский, 10) состоится вечер, посвященный 16-й годовщине РККА. Выступления писателей у микрофона с отрывками на оборонную тематику. Концерт.

22 февраля, в 19 час., Институт ЛИИ Комакадемии совместно с МОСХ в помещении клуба товработников (Ст. Пименовский, 7) организует диспут на тему «Реализм и натурализм в живописи». Вступительное слово **т. Мапа и Федорова-Давыдова.**

23 февраля, в 19 час., МОРП (Пушечная, 3, во дворе, 2-й этаж) организует творческий вечер **Ф. Панферова** для иностранных рабочих московских предприятий и иностранных писателей, живущих в Москве. 1. Вступительное слово **т. Людкевича.** 2. Выступление с творческим отчетом **т. Панферова.** 3. Выступления иностранных писателей.

ОРГКОМИТЕТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР С ГЛУБОКОЙ СКОРБЬЮ ИЗВЕЩАЕТ О СМЕРТИ СТАРЕЙШЕГО ПРОЛЕТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Семена Павловича ПОД'ЯЧЕВА

Вынос тела состоится 20 февраля (Дом советского писателя, ул. Воровского, 50), в 4 часа дня, кремация — в 6 часов.

ДОСТУП К ТЕЛУ С 10 ЧАС. ДО 4 ЧАС. ДНЯ.

ВСЕСОЮЗНОЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО ПИСАТЕЛЕЙ, МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ И ЯЧЕЙКА ВКП(б) СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ С ГЛУБОКОЙ СКОРБЬЮ ИЗВЕЩАЮТ О СМЕРТИ СТАРЕЙШЕГО ПРОЛЕТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ-КОММУНИСТА

С. П. ПОД'ЯЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

НОВЫЕ КНИГИ:

Труды Отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы Акад. наук (ССР). Том, I 1934, 359 стр., Ц. 8 р. 50 к.

Адрианова-Перетц В. П. „Праздник кабацких ярыжек". Пародия-сатира второй половины XVII в. Ц. 2 р.

Архив Академии наук СССР Обозрение архивных материалов. Под общей редакцией Г. А. КНЯЗЕВА. (Ряд документов публикует впервые) 259 стр. Ц. в коленк. перепл. 3 р. 50 к.

Календарь-справочник Академии наук СССР на 1934 г. Содержит все сведения об учреждениях Академии наук, списки действительных членов с адресами, расписание сессий и пр. Ц. 2 р.

Книги высылаются почтой. Заказы адресовать книжному магазину Изд-ва Академии наук СССР Ленинград, II, Просп. 25 Октября 29-а

ЧЕРЕДНОЙ НОМЕР № 3 ЖУРНАЛА РОСТ ПОСВЯЩЕН КРАСНОЙ АРМИИ

Содержание № 3

Платонов — Начдив (рассказ). На путях к Октябрю. Киселев — Красота (стихи). Э. Э. Киш — На развалинах Вузувия (очерк). И. Эльвин — Фашисты готовятся к войне. И. Зарубин — Два рассказа. А. Абрамович — В уступе (рассказ). Б. Лавд — Гуйаура (немецкий эпос о гражд. войне). А. Васильев — Искусство и оборона Литучеба. М. А. Рыбникова — Работа над языком. Л. Мышковская — Язык как средство создания образа.

Красноармейский читатель об оборонной книге. Исаев — Песня (стих). Рапорт литоб'единения МВО. Литература на службе обороны — статьи о книгах Рэ хилло, Соболева, сборнике «На рубеже», стихах Немцевича и Киселева. Отрывки о литстраницах литстраницы красноармейских газет.

Цена номера — 60 к

Требуйте в киосках Союзпечати

Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.

Подписка принимается: Москва 6, Отрастной бульвар, 11. Жургазоб'единение и повсеместно почтой и отделениями Союзпечати.

ЖУРГАЗОБ'ЕДИНЕНИЕ.

ПЕЧАТАЕТСЯ И В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ № 1-2 ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЕЖЕМЕСЯЧНИКА **СОВЕТСКОЕ КИНО**

орган РОСАРРК выходит под редакцией Н. Агаджановой, М. Колотозова, Н. Лебедева, Ф. Эрмлера, К. Юкова (отв. редактор).

В № 1—2 печатаются:

Л. Славин — «Частная жизнь Петра Виноградова». И. Попов — «Образ коммуниста на экране». И. Вайсфельд — «На путях к искусству большевизма». Корнелий Зелинский — «Мы выбираем будущее». Н. Волков — «О самостоятельности актера». В. Иоселевич — «Кинохроника — орудие партии». Х. Херсонский — «Рваные башмаки». Н. Иезуитов — «Проблема занимательности». А. Мачерет — «Реализованный оптимизм». К. Юков — «Тематический план 1934 года». Л. Кулешов — «Перспективы репетиционного периода» и др.

Журнал иллюстрирован кадрами из новых советских кинофильм. В номере 4 вкладных листа на меловой бумаге. Цена 2 руб.

Требуйте в киосках Союзпечати.

Подписная цена: 12 мес. — 18 р., 6 мес. — 9 р., 3 мес. — 4 р. 50 к.

Подписка принимается: Москва 6, Отрастной бульвар, 11. Жургазоб'единение и повсеместно почтой и отделениями Союзпечати.

ЖУРГАЗОБ'ЕДИНЕНИЕ.

Уполн. Главлита В—79283.

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.